

Валерий Иванов

ПЕРВОПРОХОДЦЫ
вольного города
Ставрополя — Тольятти
XVIII–XXI вв.

Тольятти
2013 г.

От автора

Иванов В. В. Первопроходцы вольного города Ставрополя — Тольятти XVIII–XXI вв. СПб.: Белка, 2013. — 132 с.

Предлагаемая читателям эта скромная книжечка адресована в первую очередь журналистам Тольятти, историкам, краеведам и конечно же — «властителям юных умов» — учителям нашего города.

Надеюсь, что мои короткие заметки будут интересны еще и первым поколениям 60-70-х годов XX века — тем людям, которые строили переселенный Ставрополь, Новый город, гигантские заводы, а затем и Автоград, ВАЗ, ТоАЗ...

Валерий Иванов

Издательство ООО «Белка».
Подписано в печать 23.02.2013.
Формат 60×88 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 3 $\frac{3}{4}$.
Тираж 100 экз.

© В. В. Иванов, 2013
© Оформление — ООО «Белка», 2013

Содержание

*Посвящаю отцу — Владимиру Сергеевичу Иванову.
Юным лейтенантом он штурмовал Кенигсберг в 45-ом,
а затем, став военным строителем, инженером-полковником,
участвовал в создании ВАЗа, Оренбургского нефтегазо-
перерабатывающего завода-гиганта и ТоАЗа...*

* * *

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.)*

*Из стихотворения А. С. Пушкина
«Черновые наброски»
(1830, опубликовано 1855)*

Истоки. Пассионарии вольного города.	6
Сбывшаяся мечта о Епифании Василия Татищева	11
Василий Банькин: мифы, легенды, историческая истина . . .	16
А. М. Тураев, первый летописец Тольятти.	23
Контр-адмирал Комзин. Штрихи к историческому портрету	31
Пальмиро Тольятти	38
Третий начальник КГС	43
Первый ректор ТПИ.	51
Коренники эпохи созидания.	59
15-й ... директор. Абрамов	64
Созидатели	71
«Зубр» Владимир Махлай	77
Первый мэр Тольятти. Жилкин	81
«Клянись честью и своей совестью»	89
Интернационалист Пахута и спартанец Дьячков.	97
Первопроходцы библиотечного дела в Ставрополе-Тольятти XVIII–XXI веков.	100
От «Свободного слова» до «Вольного города».	
Хроники журналистики нашего города	104
Товарищи по оружию: мои друзья-журналисты	111
Первопроходцы ТВ ВАЗа	116
Легенды и были Куньего Бора. Мини-экскурс по истории и статистике	118
Яков Иванов, его сыновья и внук Владимир	127

Истоки.

Пассионарии вольного города

Ровно девять лет назад, в начале ноября 2003 года, редактор Сергей Руссов подписал хорошо известное для журналистов — газетчиков указание — «в свет!». На следующий день десятки тысяч тольяттинцев прочитали первый номер новой газеты с гордым именем «Вольный город»...

... Сорок пять лет назад, тоже в ноябре — но только в 1967 году — в Тольятти состоялось торжественное собрание горожан в честь 50-летия Октября и чествование появления первых четырех Почетных граждан нашего города.

С первых месяцев жизни нашей газеты появись и стала популярной рубрика «Истоки». Надо отметить, что журналисты «ВГ» и сегодня с трепетом относятся к темам истории нашей страны и нашего города.

На страницах газеты за минувшие девять лет опубликованы более трехсот очерков и рассказов о наиболее ярких и легендарных земляках. Наш Ставрополь — Тольятти дал целое созвездие масштабных-уникальных и целеустремленных людей, людей-созидателей. Они были страстные и жадные до работы.

В середине XX века совсем юный русский ученый-историк Лев Гумилев разработал и ввел этнографический термин пассионарности (от латинского — «passio» — страсть). Его научное озарение произошло в камере ленинградской тюрьмы «Кресты» в 1938 году, когда он ждал расстрельного приговора за якобы контрреволюционную деятельность. Последующие 18 лет, он — сын расстрелянного поэта Николая Гумилева и

поэтессы Анны Ахматовой — находился в норильской каторге и в сибирских лагерях. Правда, в промежутки пять лет, он смог повоевать два года в Отечественной войне (встретил Победу в Берлине!), экстерном завершил учебу в университете и практически закончил кандидатскую диссертацию, но снова был арестован. Его реабилитировали в 1956-ом. Вернулся в Ленинград, блестяще защитил сразу докторскую диссертацию. Много и плодотворно работал — ежегодно публиковал десятки статей, подготовил более десятка удивительно-ярких книг. Но его фундаментальные работы не печатали: его теория о пассионарности считалась ненаучной и (самое страшное) была явно антикоммунистической. Только в восьмидесятые минувшего века евразийская школа Гумилева стала известна широкой публике.

Сегодня мы знаем историю России не только по Татищеву, Карамзину и Соловьеву, но и «по Гумилеву».

Его книги постоянно переиздают и уже четверть века имеют рекордные тиражи. В его работах, в не сухом академическом стиле, дается широкая панорама зарождения Руси-России. Он с математической точностью доказал «... Российский суперэтнос возник на 500 лет позже европейских этносов (французов, англичан, немцев). Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения. Исторически опыт показал, что объединенная Евразия (Россия) успешно сдерживала натиск Западной Европы, и Китая, и мусульман...»

Недавно мы отметили 1150 — ление государственности России. В 862 году железная воля военного вождя Рюрика объединила племена славян и угро-финнов от Ладоги и верховий Волги до Днепра и Черного моря. Так рождалась Новгородско-Киевская держава. За последние пятьсот лет постепенно

кристаллизовалась новая общность людей в молодой этнос. «Точка отсчета» истории нашего Отечества — битва на Куликовом поле в 1380 году. Пришедшие сражаться суздальцы, псковичи, владимирцы, москвичи — вернулись домой с Победой и идентифицировали себя, как русские люди — Московская Русь стала реальностью.

Новое молодое государство магнитом притягивало и рождало пассионариев — людей с повышенной тягой к действию, способных вбирать энергию окружающей среды. Гигантский толчок пассионарности на просторах Сибири помог русским первопроходцам, пройти за один век огромные расстояния от границы с Китаем на Амуре до выхода к Чукотке на Северном Ледовитом океане. Но потребовались еще сто лет и страстно-жестокая воля Петра, родившая Российскую империю. Эстафету пассионарности и продолжили победители Отечественной войны 1812 года, и их правнуки в победном 1945 — ом, уже в XX веке. Пассионарный подъем шестидесятых годов минувшего века помог вырваться в космос, построить гигантские ГЭС и уникальные и масштабные новые заводы и города.

Яркой иллюстрацией является жизнь конкретных суперпассионариев, которые появлялись в отдельных городах, причем не в единственном лице, а более чем в избыточном количестве, массово. Классическим таким местом остается наш Ставрополь. А ныне — Тольятти. Обратите внимание, сколько было героев (награжденных георгиевскими крестами и медалями) в Отечественной войне 1812 года. Наш провинциальный городок Родина высоко оценила в годы Великой Отечественной, когда ставропольчанеполнили ряды героев. Четверо стали генералами, высокого звания Героя Советского Союза удостоены пятнадцать наших земляков. После возведения Волжской ГЭС им Ленина более пяти тысяч строителей награждены орденами и медалями — это каждый двадцатый из сотысячного

коллектива Кубышевгидростроя! За возведение заводов Большой химии и ВАЗа отмечены правительственными наградами более трех тысяч...

Визитной карточкой города является величественный памятник самого известного «птенца и гнезда Петрова», ярко выраженного пассионария восемнадцатого века, основателя крепости Ставрополь — Василия Татищева. В полусотне метров от постамент конной статуи находится скромная стела с барельефом Василия Банькина. Под ней лежит прах погибшего в июне 1918 года первого председателя горисполкома. От этого места подымается лесная дорога к улице Ивана Комзина, чуть далее находится памятник первому начальнику Куйбышевгидростроя. Через несколько километров, в начале улицы Банькина, стоит памятник руководителю строительства нового Тольятти Николаю Семизорову. Есть улица, названная в честь первого генерального директора ВАЗа Виктора Полякова, у главной проходной завода стоит памятник этому легендарному человеку. Эти пять памятников объединяют почти три столетия истории пассионариев у подножия Жигулей. Можно напомнить и другие знаковые фигуры в истории нашего города. Вторая половина XX века. Удивительные пересечения судеб этих людей. В шестидесятые одновременно начинались тольяттинские биографии блестящих директоров гигантских заводов Большой химии: Ивана Красюка, Николая Абрамова, позже — Владимира Махлая. Тогда же стала подниматься яркая звезда мировой величины, выдающегося тренера и первопроходца в мире спортивной акробатики и батута — Виталия Гройсмана.

Первым Почётным гражданином в Тольятти стал краевед Александр Тураев, в 1967 году. В то время первым ректором молодого тольяттинского Политеха был Арон Резников. Спустя десять лет студентом ТПИ стал будущий самый молодой председатель райсполкома в России, первый мэр Тольятти — Сергей

Жилкин. Позже Сергей Федорович Жилкин стал первым ректором Тольяттинского государственного университета. Все эти люди — ярковыраженные пассионарии, первопроходцы нашего города. А было еще много других — разных и талантливых — инженеров, строителей, ученых.

Через два года мы отметим 50-летие переименования нашего Ставрополя — на — Волге. Фамилия Тольятти уже стала нарицательным именем, живет со своей отдельной судьбой. В Одессе есть Дерибасовская улица, названная в память и честь французского аристократа де Рибаса (он много сделал для этого приморского города). Фамилия итальянского антифашиста Пальмиро Тольятти стала таким же нарицательным символом для молодых наших горожан в 1964 году. Тольятти был изначально городом интернациональным, сюда приехали строить и жить представители более восьмидесяти (!) национальностей и народностей Евразии. В большей степени это были русские, народы Поволжья и Украины. И наш город по — прржнему остается молодым, городом интернационалистом, городом — тружеником, городом студентов, профессиональных рабочих.

... Через год редакция «Вольного города» отметит первое десятилетие своей творческой работы. Естественно, что за это время на её страницах появятся новые рассказы и очерки о городе и его людях. Так будем же помнить и знать не только о событиях и делах ставропольчан и тольяттинцев в прошлом, но и в настоящем времени. Нам, ныне живущим, принимать эстафету поколений, умножать славу и гордость Вольного города у Жигулей. Он этого стоит...

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»
2 ноября 2012 г.*

Сбывшаяся мечта о Епифании Василия Татищева

... Он был самым ярким из плеяды «птенцов Петра». Блестящий офицер (неоднократно раненый под Нарвой, Полтавой и Прутском походе) он стал талантливым администратором, строителем, ученым, разведчиком...

Руководил промышленностью на Урале, строил и реконструировал Монетный двор в Москве, основывал новые города: Пермь, Екатеринбург, Орск, Оренбург. Вдохнул новую жизнь в Самару и Астрахань...

Его энциклопедические знания уникальны: он писал и редактировал словари, географические атласы, его перу принадлежат десятки политико-экономических и философских, педагогических статей...

Более четверти века он готовил первую печатную «Историю Российскую», которая стала фундаментом Отечественной истории и историографии. При этом не был «кабинетным червем». Руководил Оренбургской экспедицией и Калмыцкой комиссией, был губернатором Астрахани. Но для тольяттинцев он является прежде всего основателем нашего города.

Опытный геодезист и топограф, начальник Оренбургской экспедиции и тайный советник Российской империи, Василий Татищев тщательно спланировал строительство компактного форпоста на востоке страны, на берегу Волги, напротив Жигулевских гор.

Обратите внимание на современное изображение герба нашего города. В центре его размещен лаконичный план крепости, стены которой переходят в изображения, напоминающие русские лады, сверху ломкие линии символизируют Жигулевские горы, синева фона — волжские просторы. А в середине

укрепления — крест. Ведь название Ставрополь переводится с греческого языка как «город Святого креста», и первые сто лет он являлся столицей крещеных православных калмыков. Пятьдесят лет спустя после создания нашего города Российская империя стала быстро расширяться на юго-востоке, и в предгорьях Кавказа построили новый Ставрополь, а наш город стал именоваться уже как Ставрополь-на-Волге.

Первоначально Василий Татищев мечтал о городе нового образца и предлагал назвать крепость у Жигулей Епифанией, в переводе с греческого «просвещение». Он планировал и создавал не просто пограничный форпост, а масштабный просветительский проект. Поэтому быстро и эффективно организовал перевод крещеных калмыков от кочевого образа жизни к более высокому уровню хозяйствования и развития. За один год в окрестностях крепости появилось около десяти поселений — добротных деревень новоселов. С помощью русских калмыки учились плотницкому делу, огородничеству, сеяли рожь и пшеницу, осваивали сенокосные угодья в заливных лугах, занимались рыболовством, охотой в Куньем, Ягодинском и Буяновском лесах. Но главное — они получили статус полноправных свободных (а не крепостных!) граждан России.

Василий Никитич пробил в Сенате ряд привилегий и стартовую денежную помощь для калмыков, принимавших православие и переходивших на оседлый образ жизни, — безвозмездное получение инвентаря, зерна, скота, лошадей. Важный момент — они освобождались от всех налогов! А из ловких и умелых от природы всадников было создано специальное ставропольское калмыцкое казачье войско. Кстати, впервые (и единственный раз в истории) командовала им женщина-атаманша, княгиня Анна Тайшина. Татищев смог убедить Сенат в том, чтобы в порядке исключения из правил православная калмычка получила не только атаманский статус, но и регулярное

жалование в размере оклада русского полковника — 500 рублей.

Он радел за дело просвещения новоселов гарнизона Ставрополя, особенно детей. По его распоряжению сначала организовали русскую школу, а потом и для калмыков. В Самаре Василий Никитич открыл курсы переводчиков, лично подготовил лексиконы (словари) калмыцкого и татарского языков.

В последующие десятилетия наш город-крепость славился обилием церквей часовен, торговыми лавками и ярмарками и первой в крае стационарной больницей.

В середине девятнадцатого века у нас открывались гимназии и реальные училища. К началу двадцатых годов прошлого века в десятитысячном городке действовали 12 школ для детей, 5 техникумов и училищ и 23 школы для взрослых...

2 сентября 1998 года на волжском склоне торжественно открылся величественный памятник Василию Татищеву. Большой пьедестал памятника исполнен в виде фортов ставропольской крепости. В тот день он утонул в осенних цветах. Среди собравшихся на торжество было очень много школьников и студентов. Обратите внимание: сегодня в городе с населением 720 тысяч человек работают 123 школы, 10 театров, 65 библиотек, две академии, три университета, один из которых носит имя Татищева, православная гимназия, консерватория! Сбылась мечта Василия Никитича о Епифании.

В начале 2012 года в издательстве «Белка», в Петербурге, издана книга «Первопроходец» о жизни В. Н. Татищева. Читатели могут познакомиться с ней на сайте Библиотеки Автограда www.libavtograd.tgl.ru

*Вольный город
17 июня 2005 г.*

*Портрет В. Н. Татищева.
Художник Ю. П. Гаврилёнок Ю. П., член ТСПХ
Фото Ю. Богатюка*

Последнее болдинское лето Василия Татищева

Тольяттинский художник Юрий Гаврилёнок создал в Автограде памятник Героя Советского Союза Д. М. Карбышева. Этого русского царского полковника, а в последующем — советского генерала гитлеровские изверги-палачи заживо заморозили в лед в концлагере Маутхаузен зимой 1945 года.

В НТЦ ВАЗа стоит бюст главного конструктора «Жигулей» Соловьева. Это тоже работа Юрия Петровича, как и портрет одного из гендиректоров ВАЗ В. И. Исакова и живописный портрет основателя нашего города Василия Татищева. Читатели и гости нашего города могут видеть их в «Библиотеке Автограда» и в Центральной библиотеке Тольятти.

... Художнику удалось создать пронзительный образ

великого пассионария XVIII века. Мы видим Татищева в последние дни его жизни, в рабочем кабинете в его подмосковном Болдино, где последние пять лет своей жизни он находился в ссылке.

Всмотритесь в его лицо, в его осанку, особенно — в тонкие сильные аристократические пальцы. Но, как известно, эти (казалось бы холёные!) пальцы, как и у Петра Первого, ловко и цепко держали плотницкий топор, щипцы на наковальне, молоток... Его руки обожжены солями во время химических опытов. Эти руки крепко держали драгунский палаш в боях под Нарвой, Полтавой и Пруте.

Вглядитесь внимательно в его лоб Сократа, мужественный очерченный подбородок, мудрые и уже уставшие глаза.

За три дня до своей смерти он самолично выбрал место для могилы и подправил собственноручно им сделанный гроб. Отправил последние письма друзьям, в том числе Ломоносову, который писал предисловие к многотомному труду Татищева по истории России.

Он ушел из жизни спокойно-достойно. Как полагалось офицеру, пассионарию.

Василий Баныкин: мифы, легенды, историческая истина

... Завтра исполнится ровно 87 лет со дня гибели первого председателя Ставропольского горисполкома, а затем — председателя уездного исполкома, председателя Совета уездных комиссаров Василия Баныкина.

18 июня 1918 года. Тело красивого тридцатилетнего мужчины не могли обезобразить даже нагота и грязь. После убийства (исподтишка, в спину) его раздели донага, обваляли в грязи, похабно воткнули в рот папироску... Тысячи горожан боязливо или с нескрываемым удовлетворением проходили мимо. Даже в те часы и сутки (а тело пролежало несколько дней) он продолжал внушать одним — восхищение, другим — страх. Первые искренне скорбели. Вторые — не менее искренне радовались. По России начинал раскручиваться кровавый молот гражданской войны...

Миф о «верном ленинце»

Его гибель трагична. В книге «Борьба за Советскую власть в Самарской губернии» скупно сказано: «Убит белочехами...». Но роковые выстрелы в спину прогремели до прихода парохода с белочешским десантом. Стреляли свои, ставропольчане. В 60–70 годы в исторических исследованиях появилась новая ремарка: «Погиб от рук белобандитов». Но по-прежнему о нем говорилось как о верном нестигаемом «большевике-ленинце».

Каковым он никогда не был... Да и как мог быть большевиком первый председатель Ставропольского горисполкома, который 1-го марта 1918 года письменно утвердил единогласное голосование против заключения Лениным позорного Брестского мира с кайзеровской Германией?

Справедливости ради надо отметить, что большинство из руководства РСДРП (б) тоже были против. Лишь железная воля Ленина (надо отдать должное!) тогда преломила ситуацию: «похабный мир» определение самого Ленина был заключен.

В состав Совнаркома и всех органов Советской власти тогда еще входили левые эсеры, в чьей партии и состоял Баныкин. Попытка восстания эсеров против большевиков произойдет уже после гибели Василия Васильевича — 6 июля 1918 года. Большевики были вынуждены не просто делить власть с эсерами, но и всерьез опираться на них и на миллионы (!) сочувствующих. Достаточно сказать, что на выборах в Учредительное собрание 12 ноября 1917 года (уже после Октябрьского переворота) в Ставропольском уезде за большевиков проголосовало всего 3983 избирателя, а за эсеров — 86131! Причем явка была не в пример нынешним — более 95 процентов!

Легенды о «перерожденце»

Биография Баныкина овеяна не только мифами, но и, к сожалению, сплетнями, легендами о «перерожденчестве», «шпионстве» и прочих глупостях, которыми были наполнены годы Советской власти — времени откровенного доноительства.

В городском архиве до сих пор хранятся (чего только нет в пока не доступных архивах ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ!) доносы на близких Баныкина. 11 декабря 1934 года Ставропольский сельсовет был вынужден рассмотреть очередной такой донос от Федосьи Соколовой-Соловьевой. В нем она утверждала, что Баныкин является сыном крупного торговца из Сенгилея (владельца аптекарского магазина). Что он участвовал в контрреволюционном подполье и был справедливо убит как «перерожденец» большевиком Красновым.

Сельсовет принимает решение: «Вопрос проработать на общем собрании красных партизан и попросить исполком (Ставрополя) подтвердить документально обстоятельства гибели Баныкина и его действия перед оккупацией города».

К счастью, оказались живы свидетели тех событий (прошло лишь 16 лет). Во-первых, они подтвердили, что Василий Баныкин был предан Советской власти. И убит был ее ярыми противниками — сторонниками Учредительного собрания, захватившего власть в Самаре, Красновым, Буяновым, Масловым, Львовым... Они впоследствии были арестованы ОГПУ, в том числе и за убийство Баныкина.

Справедливость восстановили. Но в тех же письменных объяснениях соратников Баныкина было четко прописано и то, что Василий Васильевич до мая 1917-го являлся членом партии правых эсеров, а затем перешел во фракцию сотрудничавших с большевиками левых эсеров. Этой «ремарки» было достаточно, чтобы соответствующие органы (а уже раскручивались

сталинские репрессии) наложили своеобразное «вето молчания» на любые упоминания о Баныкине.

Так каким же он был на самом деле?

Талантливый самородок

Он родился и январе 1888 года в семье ставропольского грузчика, ставшего сенгилеевским мещанином (грузчики, если не пьянствовали, за навигацию зарабатывали прилично). Его отец скопил достаточно средств для постройки своего дома с приусадебным участком в Сенгилее. На отцовские медяки Баныкин закончил в 20 лет самарскую фельдшерскую школу и стал служить на Волжском пароходстве «Самолет». О его смелости и самоотверженности говорит тот факт, что в 1910 году во время эпидемии холеры он добровольно вызвался работать в самом эпицентре трагедии — Бугульминском уезде. Затем поступает на медицинский факультет Тартусского университета. Закончить (блестяще!) удалось лишь два курса, на продолжение учебы не было средств. Его обращения в земскую Ставропольскую управу об оказании помощи остались без внимания. Пришлось вернуться домой опять в качестве фельдшера. Показал себя отличным специалистом. Жизнь и учеба в Тарту (а это почти Европа) придали достаточно воспитания и культуры, чтобы войти в городской бомонд. Женился на одной из первых красавиц города, родились двое прекрасных детей...

История не терпит сослагательных наклонений — что было бы, если бы... Но одно понятно: став к началу Первой мировой войны эсером, Василий Баныкин был подлинным патриотом России, знал и болел за народ и, в силу своей молодости, энергичности, пошел в политику.

... К тридцати годам он стал председателем Ставропольского горисполкома, затем, организовав съезд депутатов в

Мелекесе, — председателем Ставропольского уезда.

Масштабы этой административной единицы были колоссальны: население почти миллион человек, 36 волостей, а это более ста сел и деревень! Сейчас не будем говорить о том, как утверждалась та власть в наших краях. Как и везде — отнюдь не «триумфальным мирным шествием», как нас учили труды КПСС. Баныкин разогнал сначала городскую Думу, затем и уездную. Начал жесткие конфискации имущества богатых. Создал новый административный аппарат. Работой в Советах занимался азартно, энергично и быстро достиг конкретных результатов. Организовал охрану лесов от самовольных порубок. Ввел хлебную монополию (твердые цены). Национализировал аптеку. Организовал детские площадки. Ввел железный общественный порядок, но о терроре речи не шло — никого не расстрелял, не посадил, местных анархистов разоружил, шпану разогнал, пьяных наказывал беспощадно рублем. Много и активно выступал на собраниях, митингах. Отлично владел пером: его публицистические статьи, равно как и «открытые письма» политическим противникам, ярки и лаконичны.

... Начало лета 1918 года, начало гражданской войны. Против Советской власти выступают не только казачество Дона и Кубани, меньшевики Кавказа и чехословацкий корпус (40 тысяч прекрасно вооруженных солдат в эшелонах от Самары до Омска), но и эсеры — партия социалистов-революционеров. Большевики многое взяли от них в свою программу.

С восстанием белочехов именно в Самаре был организован главный центр противостояния большевикам в России — так называемый Комуч (комитет Учредительного собрания). Оттуда — по Волге на пароходах и по железной дороге — на юг, восток и в Сибирь началось наступление на молодую, только еще организующуюся Советскую власть. Первыми пунктами на этом пути стали Ставрополь и Симбирск.

Баныкин организовывал эвакуацию до последнего. Ценности местного банка отправил с комиссаром финансов председателю губисполкома Валериану Куйбышеву на пароходе «Фельдмаршал Суворов». Эвакуировал семьи советских работников. Был уверен: уйдет последним, через сосновый бор, в заволжские степи к Симбирску..

Не успел. Его застрелили. Подло, в спину. Потом долго глумились над телом. Спустя три дня дали возможность похоронить. Его могила на городском кладбище была весьма скромной. Жена Баныкина, даже после восстановления Советской власти, жила бедно. Горисполком неоднократно оказывал помощь. Архивы сохранили документ 1921 года о выделении Варваре Баныкиной двух фунтов (800 граммов) муки и пары ботиночек для дочери. Но следует учесть: это было время жуткого голода в Поволжье. В память о своем первом председателе ставропольчане переименовали одну из главных улиц города, идущую к православному храму, с Казанской на Баныкина. При переносе города на новое место в связи со строительством ГЭС останки Василия Баныкина нашли свой последний покой на волжском откосе рядом с братской могилой детей, умерших в первые годы Великой Отечественной войны. Спустя годы чуть выше поднялся величественный, один из самых больших в России, памятник его тезке — основателю нашего города Василию Татищеву. Вспомнили и об улице. Ведущую к городской больнице Клиническую назвали фамилией Баныкина. Как и саму больницу.

... Его гордый профиль в ореоле пышной «народовольческой» — шевелюры украшает одну из граней памятника землякам-героям на площади Свободы у Вечного огня. На других гранях — медальные профили двух Героев Советского Союза (Василия Жилина и Евгения Никонова) и Героя России Виктора Носова. Вот так причудливо, но вполне закономерно

переплелись судьбы ставропольчан ушедшего XX века. Они действительно были героями своего времени и вписали яркие страницы в историю города, в историю России.

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»
17 июня 2005 г.*

А. М. Тураев, первый летописец Тольятти

Более четверти века назад мне посчастливилось несколько раз присутствовать на лекциях этого удивительного человека. Скупая жестикуляция, но очень образная речь, жесткое логическое построение и яркие примеры, а порой просто каламбуры завораживали аудиторию. Ему было с кого брать пример. Перед войной, в 1938 году, молодого ставропольского историка направили на переподготовку в Ленинград. Там, в университете, он слушал лекции таких корифеев, как Осетинский, Струве и Тарле...

Коренной волжанин, Александр Михайлович Тураев родился в селе Ташла Мусорской волости Ставропольского уезда еще в 1913 году. Его отец, одним из немногих в селе, окончил в 1889 году полный курс церковно-приходской школы. В семье Тураева до сих пор как одна из центральных реликвий хранится выпускной аттестат деда. В труднейшие двадцатые годы (разруха, страшный голод в Поволжье) он сделал все, чтобы

сын закончил «школу второй степени» (девятилетку с педагогическим уклоном). Юного выпускника без колебаний оставили в школе на преподавательской работе. Учителяствуя, он продолжал постоянно совершенствоваться сам: закончил учительский институт, массу всевозможных курсов, пединститут, несколько совпартшкол. Не раз его буквально «выдергивали» из педагогики — направляли работать в райком комсомола, в парторганы. Будучи дисциплинированным коммунистом, он шел туда, исправно выполняя обязанности и ... бомбардировал письмами вышестоящие инстанции: верните на преподавательскую работу.

«Неоднократно отмеченный десятками почетных грамот и двумя скромными медалями «За доблестный труд» и «За трудовое отличие», — он получил высшую степень признательности земляков — в числе первых стал почетным гражданином Тольятти. Его многочисленные ученики сегодня стали кандидатами и докторами исторических наук, они преподают в университетах, институтах и во многих школах нашего города.»

Учителем был отменным. И не только истории — читал лекции по педагогике, психологии, географии. Знания свои пополнял не только самообразованием и на различных курсах переподготовки — в летние отпуска пропадавал в архивах и библиотеках, в экспедициях с археологами. По-крестьянски кропотливо и не спеша, буквально по крупичкам собирал исторические документы, свидетельства старожилов о прошлом Ставрополя. Его интересовало буквально все: и история помещий графа Орлова-Давыдова, и разрозненные (часто противоречивые) эпизоды становления Советской власти в крае, первые шаги местных комсомольцев. И первые калмыцкие поселения, приход на Волгу пугачевцев и многое-многое другое.

Военное лихолетье прошло для него трудовым фронтом: будучи инвалидом с детства, он оказался «белобилетником».

На передовую не попал — но несколько лет ударно трудился в военном строительстве в соседней области. Вновь вернувшись в Ставрополь, узнал: многие его товарищи и ученики погибли. И это еще раз подтолкнуло историка к осуществлению впоследствии главной цели жизни — создания летописи о городе и горожанах.

«Более сорока лет он отдал преподаванию истории в школах, техникумах и училищах. Стал первым краеведом и летописцем Ставрополя и Тольятти. Его заметки и очерки в пятидесятых-шестидесятых годах публиковались в газетах «Гидростроитель», «За коммунизм», «Волжский автостроитель» и всегда вызывали живейший читательский интерес. Одиннадцать (!) раз он избирался депутатом городского Совета.»

Во многом благодаря именно его усилиям в городе появился краеведческий музей, были сохранены при переносе города уникальные документы и предметы исторической и культурной ценности. Тураев провел гигантскую работу по увековечиванию памяти земляков героев, созданию воспоминаний о первых шагах Советской власти. Конечно, нельзя сказать, что это был подвиг одиночки: будучи депутатом горсовета и входя в партактив города, он пользовался постоянной поддержкой. Плюс к этому Александр Михайлович всегда был окружен десятками учеников — юных краеведов. Многие из них впоследствии стали профессиональными историками и ныне преподают в университетах, институтах и школах нашего города. Он постоянно контактировал с археологами, учеными из Самары. Кстати, получал неоднократные приглашения на преподавательскую работу в областной центр. Но, прикипев душой к родному городу, уезжать из него не пожелал...

... Хорошо помню первые годы после переноса Ставрополя на новое место. Несколько лет подряд, после весенних сбросов воды через ГЭС, обнажались длинные отмели и поднимались

на мелководье руины бывшего города. Мой старший брат (а он учился у Тураева) вместе с другими ровесниками совершал целые экспедиции по тем отмелям. Волжская вода вымывала и выбрасывала на берег старинную посуду, монеты и даже проржавевшее оружие. Свои находки ребята несли учителю. Да и сам он много раз возглавлял те вылазки. Сегодня в краеведческом музее есть немало экспонатов — итогов работы юных краеведов: тяжелые пули екатерининских солдат и пугачевцев, предметы утвари и ремесленного производства... Как уже упоминалось — первооснову нашего городского музея (а ему исполняется 30 лет (!) составили экспонаты, собранные Александром Михайловичем. Но не менее важно и то, что именно с непосредственным участием Тураева были произведены перезахоронения Василия Баныкина и умерших в годы войны (в ставропольском госпитале) советских воинов — старое кладбище затопилось. Именно он хлопотал о присвоении названиям улиц имен героев-земляков, участвовал в разработке памятников и стел, вел колоссальную переписку и изыскания по участию ставропольчан в гражданской и Великой Отечественной войнах.

С конца пятидесятых до начала семидесятых годов практически во всех многотиражных и городской газетах Тольятти появляются его сначала короткие заметки, а потом и пространные исторические очерки. Шаг за шагом, этап за этапом он знакомил читателей с увлекательнейшими эпизодами прошлого — начиная с первых лет становления Ставрополя до первых десятилетий нынешнего века. Образный язык, громадный личный архив и долгая дружба с художником Вингорским (последний постоянно создавал иллюстрации к его летописи) сделали выступления Тураева на страницах местной прессы весьма популярными. Их ждали, обсуждали. По ним даже организовывались дискуссии и читательские конференции.

Комплексного труда, в виде книги или хотя бы сборника статей, он так и не создал. Зато его разрозненными (но многочисленными и в последовательной хронологии) газетными публикациями потом воспользовались многие. Сегодня отдельные и достаточно серьезные ученые допускают реплики: но это, мол, были краеведческие, порой поверхностные и штампованные под стиль застойных лет заметки. Все так. Но они были ПЕРВЫМИ! И не стоит забывать о том, в какое время и как они создавались. Это сейчас можно «смело» и открыто говорить о том, что организатор Советов в Ставрополе Баныкин был в большей степени эсером, большевистских принципов придерживался лишь несколько последних месяцев перед своей трагической смертью. И о «чапанке» — крестьянском восстании под лозунгом «За Советы без коммунистов!» — сегодня пишутся не только диссертации, но и целые романы. Тогда же — в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов — во время «хрущевской оттепели» историкам лишь чуть-чуть приоткрыли дверь к правде, к возможности более-менее осмысленно посмотреть на давнее и недавнее прошлое страны. И Александр Михайлович воспользовался этим моментом сполна.

... Последние десятилетия его жизни были грустными. На смену пришли молодые, более энергичные, а порой и просто нахрапистые изыскатели прошлого. В исторической науке начались «заморозки застоя». Город бурно и порой непонятно для него, жителя тихого и провинциального Ставрополя, развивался и разрастался. Сказывались годы. А еще («из песни слов не выкинешь») — традиционное, к сожалению, пристрастие провинциальной интеллигенции — любовь к застолям и Бахусу. Но свое главное дело в жизни он выполнил достойно. Создал начало исторических заметок, воспитал несколько поколений учеников и последователей, увековечил память земляков, приложил немало сил для создания профессионального

краеведческого музея.

... Выйдя по возрасту на пенсию, он не перестал работать. Был завучем в школе № 17 Центрального района. Полноватый, даже грузный человек, с одышкой завязанного курильщика, он излучал какое-то домашнее тепло. Его очень любили младшеклассники, с уважением и почитанием относились не только молодые коллеги, но и склонные к инфантилизму и скепсису старшеклассники. С его уроков никто не сбегал, а не выучить тему, которую он рассказывал не то, что на прошлом уроке — месяц назад (!), было просто невозможно: так ярко-памятно преподносил он ее аудитории.

«Он постоянно учился: школа, учительский институт, всевозможные курсы, пединститут и вновь курсы переподготовки, совпартшколы... По-крестьянски неторопливо и кропотливо, буквально по крупицам собирал он документы и свидетельства старожилов об истории нашего города. Книжки так и не написал, но его труды и многочисленные публикации в местной прессе стали основой для диссертации и книг тех, кто пошел его, уже проторенной дорогой...»

Следует обязательно упомянуть о депутатских трудах нашего героя. Занимаясь в основном проблемами истории и культуры, он не чурался тривиальных бытовых проблем своих избирателей. Более того, горожане знали: примет, выслушает и поможет им Александр Михайлович в любое время — официальных дней приема он не любил. Приходили к нему со своими заботами в школу, «поддавливали» на улице, заглядывали домой. Причем, это стоит подчеркнуть особо, зачастую обращались и не «свои» избиратели — то есть люди из других округов. Если у них не получалось со «своим депутатом» — шли к нему и знали: обязательно поможет!

При всей своей добродушности открытости он мог быть жестко-принципиальным, въедливо-настойчивым и всегда

доводил дело до конца. Именно этим объясняется беспрецедентный факт его депутатства одиннадцати созывов.

«Учитель от Бога», тонко понимающий душу ребенка, непоседливый характер подростка и скепсис отрока, он чутко владел аудиторией любого возраста. Читал свои лекции — а точнее было бы сказать, вел доверительные беседы — юным пионерам и выпускникам школ, приходил в рабочие общежития и клубы, в читальные залы библиотек и трудовые коллективы. И везде был желанным гостем. Пришедшие на лекцию по ее окончании подолгу не отпускали Тураева. Задавали массу вопросов и всегда получали ответы. Его память была феноменальной, она хранила сотни дат и фамилий, яркие примеры и пространные цитаты из документов.

Его знали, с ним общались сотни и сотни горожан. Как-то довелось пройти вместе с Александром Михайловичем короткий отрезок, всего в квартал, пути: он ежеминутно отвечал на приветствия, иногда, как всегда полшутя, быстро бросал реплики: этот окончил школу в пятидесятом, а этот — в шестьдесят пятом году! Тысячи и тысячи тольяттинцев хранят о нем благодарную память учеников. Сегодня наш город вырос в геометрической прогрессии - более чем на полмиллиона человек! И в суете мегаполиса, в быстротекущем времени и разнообразии событий, к сожалению, теряется былая тесная связь людей. Когда большинство горожан знало своих лучших представителей интеллигенции. Это грустно, хотя и вполне объяснимо. Но про таких, как Тураев, должны знать и новые, и будущие поколения тольяттинцев.

На днях побывал в семье его близких. Беседовал с дочерью — тоже педагогом-историком. Мы почти ровесники, учились в одной школе, имеем массу общих знакомых. Поэтому разговор шел доверительный. Ольга Александровна щедро раскрыла передо мной архивы Александра Михайловича — Тураев

скончался в прошлом году. С волнением вчитывался я в строки автобиографии, которую первый краевед и историк Тольятти написал в восьмидесятилетнем возрасте. Чёткий (буковка к буковке) почерк, ясный и образный слог, жесткая логическая связка предложений сразу выдавали литературно-исторические пристрастия автора. Скупое писал он о юности: пионервожатый, учитель, работник комсомольских и партийных комитетов. Но больше — учитель, лектор, краевед.

Ольга Александровна передала редакции «ТС» в подарок несколько раритетных фотографий из архива отца. На них — составы журналистских коллективов городской газеты пятидесятых-шестидесятых годов. А еще — большую и интересную статью о нашей газете в тридцатых-сороковых годах. Мы обязательно найдем возможность познакомить читателей с ней в ближайших же номерах «ТС». А еще она извлекла из пожелтевших папок фотографию восьмидесятилетней давности — портрет первого председателя Ставропольского Совета Василия Баныкина — мы обязательно опубликуем его и заметки об этом человеке в преддверии 260-летия города. Дала дочь Тураева и фотографию отца. Вы видите ее на этой странице. Вглядитесь в образ этого седого, познавшего жизнь человека. Прямой взгляд, сурово сжатые губы. Строгий костюм и институтский значок. Портрет уверенного, может быть, слегка суховатого ученого. Но я его знал другим — веселым, энергичным, открытым и добродушным. Так пусть же в памяти наших читателей и горожан останется этот заслуженно получивший звание почетного гражданина человек. Как наш земляк, как первый летописец Ставрополя-Тольятти.

Валерий Иванов
«Тольятти сегодня»
13 мая 1997 г

Контр-адмирал Комзин.

Штрихи к историческому портрету

К золотому фонду советского кинематографа относится пронзительно — честный фильм «Коммунист». Одна из первых ключевых сцен — эпопея главного героя с поиском гвоздей для строительства первой в плане ГОЭЛРО электростанции под Москвой. Проблуждав по чиновничьим кабинетам, герой в исполнении прекрасного актера Урбанского прорывается на... заседание Совнаркома и просит помощи «по вопросу гвоздей» у Ленина.

Естественно, проблема молниеносно разрешается. Звучит как легенда. Но такой факт драматург Габрилович действительно взял из жизни, из начала биографии Ивана Комзина. Сюжетец, естественно, слегка приукрашен. Посланный в Москву за гвоздями юный Комзин (как и его прототип) прорвался не в Кремль, а к главному редактору «Правды», члену ЦК ВКП (б) Скворцову — Степанову и с его помощью достал для стройки необходимое.

О нем написано немало очерков и статей. На склоне лет сам выпустил три мемуарных книги. Сегодня они являются раритетными изданиями и имеются лишь в нескольких библиотеках города в единственном экземпляре. Его биография поистине легендарна. Справедливости ради надо отметить, что Иван Васильевич был частенько резким, жестко-властным в общении не только с подчиненными, но и с людьми выше его рангом. Не стеснялся ненормативной лексики, порой переходил на крик. Но при этом был очень отходчив, а главное — объективен в оценке людей и соглашался с аргументацией, признавая собственные ошибки. Очень любил детей...

Мне довелось начать учебу в первом классе не где нибудь, а в здании (единственном в то время четырехэтажном) управления Куйбышевгидростроя. К 1 сентября 1956 года строители не успели закончить реконструкцию бараков под начальную школу. Комзин решил проблему просто: приказал отдать два этажа своего управления! И два месяца мы своим гвалтом на переменах пугали чиновников всесильного ведомства...

За короткий срок он стал не просто строителем-профессионалом высочайшего (мирового!) класса, но и оставил после себя поистине исторические памятники. С юной женой и фанерным чемоданчиком (главное достояние молодой семьи-книжки!) приехал на строительство Магнитки. Там закончил техникум. Затем учился в Германии. Строил заводы и фабрики в Турции. Руководил реконструкцией порта в Таллине. После освобождения Севастополя получил личное задание Сталина: восстановить город русской морской славы в точно таком же виде, в котором он был еще в XIX веке. По старинным литографиям и фото, по картинам и воспоминаниям современников он воссоздал Севастополь до мелочей — от Графской пристани до величественных парков, зданий театра, Главштаба. За что был удостоен звания контр-адмирала и долгие годы отдавал

предпочтение именно черному морскому кителю.

И не вызвало у него особой радости новое назначение: командировали не просто на первую послевоенную «стройку коммунизма» — возводить ГЭС у Жигулей. Заставили переоблачиться в мундир генерал-майора МВД, а основной рабочей силой стали более пятидесяти тысяч заключенных...

Но он никогда не пасовал перед трудностями. Жесткий прагматик, он понимал: ударно работать (а сроки поставили жесткие) принуждением не заставишь. Добился самых различных льгот. Около 10 тысяч (!) бывших зеков (в основном специалистов заключенных, осужденных за криминал) были переведены в расконвоированные. Они лишь ночевать приходили в свои бараки. Во всех лагпунктах (отдельных лагерях) добился сносного быта, открытия вечерних школ, всевозможных профессиональных курсов. Кстати один из таких пунктов «Двухтысячный» — находился на сегодняшнем месте редакции газеты «Вольный город». За ударную работу на четверть, а то и на треть снижался срок заключения. И (неслыханное дело) зэки получали не только полную зарплату, но и весомые премии. Бывший ректор ТолПИ Владимир Столбов любит показывать фотоснимок тех лет. На нем он — молодой аспирант, стоит рядом с франтоватым парнем. Оказывается это помощник из числа зэков, сварщик — ударник, отличный спортсмен, получавший в три-четыре раза больше, чем его шеф-аспирант! Зарплата, например бригадира бетонщиков, зэка Гиви Ваньяна была стабильно 3 тысячи рублей, что превышало оклад... начальника лагпункта, в котором содержался Гиви. Было бы неверно рисовать исключительно идиллическую картинку с участием заключенных на стройке. Бывало всякое, да и кроме осужденных по бытовым и политическим статьям (особенно много было бывших военнопленных) имелись и откровенные жулье, бандиты, власовцы и бандеровцы. Но общий дух азарта

в работе, система поощрений и возможность ударным трудом изменить свой статус и уровень жизни делали поистине чудеса.

В преддверие «холодного лета 53-го» Комзин просчитал возможную демографическую катастрофу для стройки. Более половины (свыше тридцати тысяч!) эков должны получить амнистию. И когда еще приедут комсомольцы-добровольцы, да и учить их еще надо. А темпы возведения ГЭС все увеличивались... Иван Васильевич лично ездил по лагпунктам, собирал заключенных и просил их ... остаться! Манны небесной не рисовал, но кое-что обещал точно. И все знали: если этот начальник скажет — разобьется, но все выполнит! Обещал комфортабельное жилье (сами для себя постройте), открытие техникумов и даже вуза: получите первоклассное образование! И тысячи бывших эков остались. Кстати, некоторые из них потом стали известными руководителями на стройках и заводах города.

... Иван Васильевич заключенных не опасался. Ходил без охраны. Более того, когда приезжали именитые гости (с охраной), отсылал последнюю подалеже. Вместе с уже явно стареющим Вячеславом Молотовым спустился на дно котлована будущей плотины — а там работали исключительно заключенные. Все, естественно, рванулись к кремлевскому небожителю: поздороваться, поговорить. Своими богатырскими руками Комзин раздвинул напиравших и со словами: «Дайте старичку пройти», проталкивал высокого гостя по людскому коридору. Поднявшись из котлована, Молотов почти час восстанавливал дыхание и с изумлением смотрел, как внизу роятся тысячи людей и сотни машин. Гигантские объемы возведения ГЭС и сегодня впечатляют,

Даже в нынешнем XXI — ом веке не побит тогдашний рекорд: производство и укладка свыше 19 тысяч кубометров бетона в сутки! Работу больших бетонных заводов осуществлял

полк военных строителей. Десятки тысяч вольнонаемных рабочих, а потом молодежь (стройку объявили ударно-комсомольской) поставили перед ним серьезные задачи по созданию социальной инфраструктуры. Быстро возводились бани, больницы, детские сады, школы, Дома культуры. И с каждой возрастной и социальной категорией он находил общий язык. Особенно любил общаться с молодежью.

А вот с партийными чиновниками общаться не любил. Более того, постоянно спорил с ними. Причем, не взирая на должности: будь то начальник политотдела КГС, будь то секретарь парткома, горкома и даже областного комитета партии. Доносов не него было написано немало. Но даже в жуткие времена предсмертья Сталина его не трогали. Досужие языки злословили: ну как же, он в родстве с председателем Совмина Булганиным! Может быть. Но в те же годы арестовали и послали в лагерь жену Молотова — уж куда ближе был соратник вождя! Тут другое: личности подобного масштаба были архиценны. Также напористо действовали (в те же годы) Курчатова и Капица, Королев и Туполев.

За семь лет был построен не только самый большой по тому времени гидрокомплекс, но и город для 150-тысячного населения, создана масштабная база стройиндустрии, выпестован почти стотысячный коллектив строителей.

Именно Комзина нужно благодарить за учреждение профессионального праздника — Дня строителя. Во время банкета по случаю пуска ГЭС (10 августа 1958 года) в большом павильоне у белокаменной гостиницы в Портпоселке Иван Васильевич намекнул Хрущеву: есть День шахтера, а Дня строителя нет. Реакция была молниеносна: в считанные дни Верховный Совет принял соответствующий указ...Сегодня в Интернете можно найти фото той встречи: двухметрового роста и крепкого телосложения Комзин весело пожимает руку всесильному

генсеку Никите Хрущеву. А тот смотрит на него снизу вверх...

Итогом стройки у Жигулей стала невиданная электрофикация: живительная сила энергии пошла в города и поселки Поволжья и Урала с населением более 20 миллионов человек, то есть каждый десятый житель СССР пользовался выработанной у нас энергией.

Лебединой песней в биографии Комзина стало возведение Асуанской ГЭС на реке Нил. Если Волжский гидрокомплекс дал мощный толчок для строительства машиностроительных и химических заводов в двух регионах нашей страны, то Асуанский гидрогигант форсировал экономику всего Египта! Тысячи вчерашних гидростроителей-волжан отправились в Африку за своим начальником:

*...Жар пустыни мне щеки щиплет,
И песок забивает рот.
Напиши мне мама, в Египет:
Как там Волга моя живет?*

Уникальная плотина вывела Египет из стран импортирующих зерно в экспортирующие. А энергия асуанских турбин дала жизнь всей тяжелой промышленности страны. Школа стройки — десятки тысяч высококлассных специалистов, причем не только для Египта, но и для соседних арабских стран.

...Годы брали свое, Иван Васильевич ушел сначала на министерскую, а потом на преподавательскую работу. Он и на стройке уделял особое внимание воспитанию молодых кадров. Придирчиво отбирал наиболее перспективных, заставлял учиться, смело выдвигал на руководящие должности. Именно под его личным патронажем из молодого прораба — фронтовика быстро вырос преемник, руководитель КГС во время возведения заводов и Автограда, Николай Семизоров.

Был Комзин человеком азартным, любил хорошую шутку, спорт. Прекрасно разбирался в классической и современной литературе, живописи и музыке. Активно поддерживал куйбышевгидростроевскую газету «Гидростроитель». Мне повезло — первые шаги в журналистике начинал в том издании, редакции было еще немало людей, лично знавших Ивана Васильевича. Начальник КГС добился офицерских окладов для сотрудников своей газеты (получали мы больше, чем коллеги в городской), но был и требователен. Его главные требования к журналистам: пишите интересно, весело и по делу! Причем как можно больше не о самой работе, а о том, как и чем живут гидростроители! О спорте и культуре, о воспитании в семье, об истории своего края... Непосредственная работа никогда не заслоняла от него обыденную жизнь. И Комзин прилагал все усилия, чтобы она стала разнообразной и интересной. Для всех и каждого. Создавал футбольную команду «Энергия», стадион «Строитель», лучший по тем временам в Поволжье яхт-клуб. Помогал становлению политехнического института, стоял у истоков создания биостанции, из которой вырос институт экологии Волжского бассейна... Прекрасно разбирался в искусстве.

Он не стал Почетным гражданином нашего города (по статусу это звание дается при жизни). Но память о нем хранят в сердцах не только тысячи ныне уже ветеранов-строителей. Шелестит листвой Центральный парк у кинотеатра «Космос», а когда-то на его месте находился личный аэродром Комзина, потом по инициативе Ивана Васильевича за два года комсомольцы КГС разбили на том месте парк.

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»
1 июля 2005 г.*

Пальмиро Тольятти

Тридцать лет назад мне посчастливилось общаться с уникальным человеком — итальянским альпинистом, профессиональным фотографом и путешественником Карлом Маури. Мы долго сидели в ресторане гостиницы «Волга» за традиционным спагетти. В те годы именно в том, наиболее уважаемом отеле проживало немало итальянских шеф-монтажников ФИАТа, которые приехали на завершающуюся пусконаладку ВАЗа.

Говорил Карло темпераментно, яростно жестикулируя и попеременно переходя с итальянского на английский, вворачивая русские слова, причем явно ненормативной (но очень к месту!) лексики. Сказывалась его многолетняя дружба с Сенкевичем, их совместные путешествия на папирусных лодках «Тигрис» под командованием Тура Хейердала.

Говорили мы тогда о многом. Естественно, затронули и политику, задал я ему вопрос и о Тольятти. Маури задумался, стал предельно серьезным и затем, буквально подбирая фразы, дал

четкое определение:

— Я политикой не занимаюсь. От коммунистов далек. Но, во-первых, Пальмиро был отличным альпинистом — значит, человеком смелым и коллективным, без этого в горах нельзя. Во-вторых, он многое сделал для сохранения целостности Италии: попытки сепаратизма Сардинии и Сицилии были жестко пресечены именно тогда, когда Пальмиро был министром юстиции и даже одно время заместителем премьера. А у нас этот пост выше президентского... Его вклад в решение земельной реформы помнят и ценят сотни тысяч бывших безземельных крестьян юга Италии. Он был профессиональным юристом.

И организовывал классовую борьбу исключительно в рамках закона, опираясь на профсоюзы. Мы не скатились к «р-революциям», но и не допустили к власти «черных полковников». А ведь была попытка фашистского переворота (как в Греции) в начале шестидесятых... Его убивали террористы: три пули в голову, спину и грудь! Тогда вся страна затаила дыхание и с облегчением вздохнула: выжил! Причем с облегчением вздохнул не только простой народ — успокоились и политические противники. Последние отчетливо понимали: только сила авторитета Тольятти сдерживает стихийное проявление масс...

Вывод очевиден: это был великий итальянец! Смеем заверить, что к нему с искренним уважением относятся у нас все. Когда его хоронили, то несколько I миллионов (!) людей прошло по улицам: Рима. Причем венки и цветы несли рядом с коммунистами не только социалисты-демохристиане, но и либералы, демократы, атеисты и католики, ветераны и студенты.

... Конечно, нам лестно, что фамилию соотечественника носит ваш молодой город. Но... Россия (он так и сказал, не СССР, а именно Россия!) — страна непредсказуемая. Мало ли что может случиться. Время рассудит...

Наш переводчик последние фразы Карло переводил острожно и медленно. Как и наш диалог по поводу небезызвестных чехословацких событий шестьдесят восьмого года. Оно и понятно: после этой встречи он засядет за отчет своему куратору в местном отделении КГБ, желая получить от которого нагоняй за «невыдержанность курса беседы двух журналистов» у него не было.

Спустя годы, собирая информацию о Пальмиро Тольятти, мне неоднократно приходилось наталкиваться на разрозненные любопытные факты его биографии, которые шли вразрез с общепринятыми формулировкам. Например, о том, что Тольятти был категорически против советского усмирения Венгрии в 1956-ом. Но главное — о его последней «Памятной записке» Никите Хрущеву В том шестьдесят четвертом Пальмиро прилетел в Крым не случайно — планировалась его встреча с всемогущим генсеком КПСС. Готовясь к ней, он написал довольно жесткие тезисы — «Памятную записку». 14 августа его пригласили в гости пионеры «Артека». Прямо во время выступления перед ними итальянскому лидеру стало плохо. Затем кровоизлияние в мозг, неделя борьбы за жизнь и... смерть. «Записку» хотели засекретить, но итальянские коммунисты опубликовали ее в своей газете «Унита».

Многое, очень многое предвидел и критиковал Тольятти: возможный реванш сталинистов (что вскоре и произошло с уходом Хрущева), нарастание партбюрократии, пагубность экспорта революций (как тут не вспомнить Афганистан!), опасность сепаратизма — будто предвидел развал Югославии и Беловежскую пушу...

Его авторитет в международном коммунистическом движении был колоссален. Независимый нрав и самая большая по численности компартия в Европе, которая никогда не была марионеткой Кремля, не «кормилась с ладошки», а влияние имела

масштабное, придавали его высказываниям и оценкам особый смысл. Средства на СМИ итальянским коммунистам давали... люди искусства! Традиционные (многомиллионные!) праздники «Униты» с концертами и сборами средств, прочные контакты с профсоюзами давали возможность издавать газеты, покупать эфирное время на радио и ТВ. С коммунистами охотно и подчеркнуто сотрудничали последователи неореализма итальянского кинематографа, такие композиторы и исполнители как Доменико Модуньо, Тото Котуньо, Энрико Марриконе, известные актеры, художники и ученые.

Тольятти как интеллектуал (два диплома — медицинский и юридический) и журналист (более 4 тысяч статей и теоретических работ) активно вращался в среде не только итальянской духовной элиты. По коммунистической традиции того времени следовало увековечить память о нем. В то время прошла череда переименований наших городов в честь генсеков братских компартий, на карте страны появились Димитровград, Георгиу-Деж... Вполне понятно, что решение о присвоении фамилии Тольятти городу на Волге принималось узким кругом лиц в Политбюро. Но надо знать и накал интернационализма в СССР! Времена оттепели совпали с революцией на Кубе, волной освободительных антиколониальных войн в Африке, возвращением из небытия пронзительной светловской «Гренады»: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...». И не случайно именно на интернациональном ВАЗе (его строили и работали на нем представители всех национальностей СССР) первым неформальным молодежным клубом стал интерклуб «Гренада».

... Но потом наступило развеселое время перестройки. Партбюрократы КПСС не смогли органично передать бразды правления молодым интеллектуалам (попытки были), и полетело все вкривь и вкось. В том числе и идея интернационализма.

100-летие со дня рождения Пальмиро Тольятти в Италии отметили установкой его бюста в галерее торжественных церемоний парламента страны. В нашем же городе этот юбилей просто предали забвению. А 1 декабря 1996 года был организован общегородской референдум с попыткой вернуть городу прежнее имя. Референдум не состоялся — тольяттинцы, уставшие от чехарды выборов, просто проигнорировали его. И в последующие годы данная проблема поднималась с завидной настойчивостью, но, правда, все глуше и глуше...

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»
25 августа 2005 г.*

Третий начальник КГС

«Патриот своего коллектива — это всегда человек, на которого можно положиться в любом трудном, очень трудном, чертовски трудном деле. Положиться и знать: не побежит, не заночует, не спрячется за спину объективных причин, а их всегда уйма, кого хочешь с головой скроют. И не предаст, понимаешь, не предаст общее дело. Стройка, она обязательно общее дело, в одиночку лишь воздушные замки строят да карточные домики».

Высказывание Н. Ф. Семизорова из книги «Повесть о друге»

Общеизвестно: начинали строительство Куйбышевской ГЭС в пятидесятые заключенные и сам «Куйбышевгидрострой» входил в структуру МВД. В тот 1950-й, когда молодой выпускник Новочеркасского политеха Николай Семизоров приехал к Жигулям и стал прорабом, на 3.700 вольнонаемных строителей приходилось несколько десятков тысяч (!) работяг за колючей проволокой. Это в середине 1953 года, после смерти «отца

народов», массовая амнистия сократила Кунеевлаг почти на три десятка тысяч и количество вольнонаемных сразу перескочило сорок тысяч...

К чему эти грустные воспоминания, когда повествование должно идти о биографии легендарного человека? Да дело в том, что жизнь людей, подобных нашему герою, неотделима от судьбы страны. Совсем юный прораб, он уже с лихвой познал жизненные невзгоды. Три года фронта, тяжелое ранение и инвалидность. Полуголодное послевоенное студенчество. Ехал на великую стройку - попал в большой лагерь... Кумиром тех, да и последующих лет у Жигулей был Иван Васильевич Комзин — генерал-майор, за плечами — возрожденный из развалин Севастополь. Опытный и властный руководитель эмвэдэшной организации. Будучи отличным психологом, обладая незаурядными артистическими данными, он умел быстро находить общий язык с приезжими начальниками и молодыми специалистами, заключенными и офицерами лагерной охраны. Отлично понимая никчемность принудительного труда, Комзин добивался (и в основном ему это удавалось!) сносных бытовых условий в лагерных отделениях. Была введена система зачетов и премирования. Заключенные учились в вечерних школах, на различных профессиональных курсах. Именно поэтому большая их часть после массовой амнистии «холодного лета 53-го» осталась на стройке.

Но на всю жизнь запомнил молодой прораб Семизоров лай овчарок, ржавчину колючей проволоки и колонны «строителей» в серых бушлатах. Как много было среди них его ровесников! И с тех лет у Николая Федоровича будет стойкое неприятие к палочной дисциплине, лозунгам типа «даешь любовью ценой!» Да и в середине пятидесятых годов успех решали уже не массы людей, но концентрация и слаженная работа сотен и тысяч единиц техники, конвейерность изготовления

и доставки стройматериалов, монтаж по жесткому графику... Иными словами говоря - инженерный расчет.

Через девять месяцев наш герой стал уже главным инженером участка — на новую должность его назначил лично Комзин, Он за 12 лет прошел путь от молодого специалиста до начальника почти сотысячного коллектива. И более двадцати лет руководил им. Он стал третьим и, пожалуй, самым запоминающимся начальником КГС. Отлично понимал: «Не хлебом единым жив человек». Прилагал немало усилий и щедро отпускал средства на развитие, как бы теперь сказали, «соцкультбыта». При его непосредственном участии вырастали Дома культуры, стадионы, яхт-клуб. Развилась и гремела на всю область художественная самодеятельность строителей. А какие устраивались массовые (поистине народные!) гулянья в профессиональный праздник на опушке леса в Портпоселке! Да и сам не отказывался от житейских радостей: любил встретиться с ружьишкой зорьку в камышах, порыбачить, попариться в баньке, посидеть в хорошей компании. Он магнетически притягивал к себе интересных людей, собирал и пестовал круг единомышленников. Эта врожденная мягкость (впрочем, как и любой руководитель-строитель тех лет, он мог лихо прибегнуть к неформальной лексике, но всегда только по делу и «за дело») отличала Николая Федоровича от «железных порабов» пятидесятых. Описывать его жизнь, даже схематично — дело простое: все равно что-нибудь упустишь, недоскажешь. О нем написано немало очерков и даже книг. Но вот жаль, в последнее время как-то подзабыли об этом славном и легендарном человеке. Напомнил о себе сам, помогли бывшие подчиненные и коллеги: сегодня Николай Федорович возглавляет некоммерческий фонд, нареченный его же фамилией.

Итак, начало шестидесятых. Город «перенесен» на новое место, ГЭС построена. Параллельно ведутся работы по возведению

заводов — цементного машиностроения, электротехнического и «большой химии». Нарастают темпы крупнопанельного домостроения. Вот где потребовался недюжинный инженерный расчет и четкая организация: все поставлено на поток, точно по графику, идет жесткая специализация. По воспоминаниям его ровесников тех лет (и это нашло отражение в книгах и даже, увы, безвозвратно потерянных протоколах заседаний парткомов и горкомов), даже «стоял вопрос»: а можно ли доверить ему должность начальника — слишком уж «мягкотел» и «добродушен».

Пройдет несколько лет, и даже его явные и скрытые противники признаются: интеллигентен, но жестко — принципиален. Особенно тут любопытны оценки иностранных специалистов. Впервые столкнулся наш герой с ними при монтаже сложнейшего оборудования еще до строительства ВАЗа. Потом, в конце шестидесятых — начале семидесятых, общался часто — в основном с итальянцами, побывал в Турине, на ФИАТе. Так вот, зарубежные партнеры всегда отмечали в «большом шефе русских строителей» широчайший инженерный кругозор и быстроту принятия наиболее оптимальных решений. В этом, кстати, он был здорово похож на второго, не менее известного в Тольятти тех лет человека — Виктора Николаевича Полякова. архивы хранят уникальные кадры: два красивых рослых человека — начальник КГС и директор будущего автозавода — стоят в заволжской степи, на месте будущих стройплощадок...

«Сколько бы ни было тебе лет, какую бы ты ни занимал должность, чего бы ты ни достиг в жизни — помни всегда, что остаешься комсомольцем Куйбышевгидростроя». По духу своему, по верности традициям нашей с тобой молодости, по праву той дружбы, что родилась в далекие пятидесятые в Жигулях и повела нас с тобой на первое наше, большое жизненное дело. Для

многих из нас оно осталось делом всей жизни, которому отданы уже десятилетия...»

Из «Памятки ветерана» при удостоверении ветерана КГС.

Удостоверение N 1 выдано Н. Ф. Семизорову.

Время неумолимо: пожелтела фотобумага, хрупкими стали листы подшивок многотиражной газеты «Гидростроитель», все реже и реже встречаются в библиотеках книги о тех годах. Увы, но бесславно закончилась судьба музея трудовой славы КГС. А сама «башня» управления некогда мощной организации сегодня служит обителью различных коммерческих и иных структур, а скоро, поговаривают, отойдет мэрии. Но вернемся к главной теме нашего повествования. В начале семидесятых, когда ВАЗ уже был в основном построен и работы уже шли в промкомзоне и Автограде, в истории КГС ярко высверкнули еще две страницы — возведение Оренбургского газоперерабатывающего завода и Тольяттинского азотно-тукового. Это были поистине «лебединые песни» — как коллектива строителей, так и их начальника. Кстати, в Оренбурге его судьба свела с молодым директором будущего предприятия Виктором Черномырдиным, нашим нынешним премьер-министром...

За три десятка лет в журналистике пришлось познакомиться со многими куйбышевгидростроевцами, да и часть моих школьных товарищей стали профессиональными строителями. Куда их только не забрасывала судьба: в Норильск и Ирак, Волгодонск и Египет, на Чукотку и Байконур... И где бы мы ни встречались, о чем бы ни заходил разговор — он обязательно перемещался в область воспоминаний: «А помнишь?» И обязательно у моих собеседников находилось время и слова вспомнить Николая Федоровича. Его юмор. Его доброжелательность и участие. Может быть для сухо-статичной истории он остается Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного

Совета России и делегатом партийных съездов. Но для тех, кто хоть раз встречался с ним, кто решал с ним вопросы и, значит, свою судьбу — он был и есть Инженер с большой буквы, масштабный руководитель.

... Как всегда, не обходится без «темных пятен». Людям, увы, свойственна зависть, определенная желчь. Были и у нашего героя нелегкие времена: обвиняли в «льготном строительстве коттеджа», увлечении в «корыстной дружбе с писательской интеллигенцией». Даже хобби вышедшего на заслуженный отдых человека-пчеловодство — рассматривалось с подозрением. Обидно все это. За наших прославленных людей, за людскую неблагодарность. Как, например, вопиющий случай изъятия постоянного пропуска на ВАЗ у... В.Н.Полякова: увы, был, к нашему общему стыду, такой факт.

Кстати, о семизоровском коттедже в Жигулях. Был. Есть. Но разве сравнишь это строение с нынешними дворцами «новых русских»? Да по сравнению с особняком того же Каданникова? А ведь в основном не для личного отдыха был возведен тот коттедж! Сколько деловых встреч на самом высоком уровне прошло там, какие масштабные вопросы были решены... Николай Федорович прозорливо видел закат социалистической экономики. Предотвратить его было невозможно. Но оттянуть время — реально. Вот и искал он новые заказы — объемы работ для своего многотысячного коллектива. И улетали куйбышевгидростроевцы на далекий Ефрат, выезжали длительными командировками на Север и в Оренбургскую степь.

Да, видимо, порой бывает грустно и горько сегодня Семизорову. На глазах распалось выпестованное (и не только им!) детище — «Куйбышевгидрострой». Безвозвратно потеряны не только архивы, но и сам дух патриотизма и профессиональной гордости строителей. Но нет! Дело тех поколений живет. И будет жить еще очень и очень долго. В корпусах заводов, в

плотинах на Волге, Ниле и Ефрате. В проспектах Автограда и двух других районах нашего города. И пока есть наш Тольятти - будут ходить и почтальоны по адресам улиц Мурысева и Комзина, по Гидростроевской и Строительной. Сегодня уже мало кто помнит, почему в Автозаводском районе появился Московский проспект. А назван он был в честь коллектива Главмостроя, который возводил у нас быстро и качественно дома «на потоке» так называемой «московской серии». Ему восьмой десяток. Но по-прежнему, по-молодому, блестят глаза. Он не сдается. И по-прежнему старается влиять на строительные проблемы в городе, даже в масштабах Самарской области. Недавно все местные газеты дали информацию об учреждении Фонда имени Н. Ф. Семизорова. Главная его задача — оказание конкретной помощи встающим на ноги (точнее — воссоздающимся заново) строительным организациям. Первая акция - конкурсы на лучшие проекты и объекты, на разработку современных технологий. А еще, при его участии и его учениками, создано и региональное отделение Союза строителей России. Сегодня они имеются в 40 субъектах Федерации и выступают мощными лоббистами по защите интересов местных строителей. Страницы газет (в том числе и нашей) обошли фотографии с той учредительной конференции — в президиуме Семизоров, рядом — его коллеги и ученики. Они опять вместе. В одной упряжке...

Город все быстрее и быстрее приближается к своему очередному дню рождения. Восемьдесят семь памятных мест в Тольятти — обелисков и мемориальных досок, стел и скульптур, заложенных камней в фундаменты будущих памятников. Но самый внушительный и многоликий всегда перед нами и всегда с нами — это сам НАШ ГОРОД, его заводы. А еще — поколение людей, построившее все это. И один из ярких представителей его — Николай Федорович Семизоров. Низкий ему поклон,

добрых лет, бодрости и здоровья! Почетный гражданин Тольятти, он и сегодня в строю своих коллег-строителей

*Валерий Иванов
«Тольятти сегодня»
22 апреля 1997 год*

Первый ректор ТПИ

«Дорогие дети! Помните, что чем старше становятся ваши родители, тем медленнее уставшее сердце проталкивает кровь, через склеротические сосуды, от чего холодеют руки и немного познабливает. В этой ситуации все большую роль играет ваше тепло и ваша молодая энергия, способные безо всяких таблеток и уколов согреть стариков и продлить их жизнь. Берегите и радуйте друг друга, несмотря на всякие трудности, которые чинит вам повседневная суматоха!»

*А. Резников
из книги «Эскизы прошлого в проекции на настоящее»*

Прежде — низкий поклон моим родителям. Достоинно прожитая ими жизнь, в том числе более полувека в Ставрополе-Тольятти, помогает мне в журналистике. Особенно в последнее время, когда надо писать о ветеранах, встречаться и беседовать с ними. Ваши имена служат своеобразным паролем. Они открывают двери и сердца тех, кто вас знает и помнит. Именно так и

началась моя встреча с профессором Резниковым — с приветов родителям и воспоминаний тридцатилетней давности...

Да, осенью нынешнего года исполнилось ровно 30 лет образования самостоятельного Тольяттинского политехнического института. А самостоятельный ВУЗ — это, прежде, всего, РЕКТОР. И тогда, в 1967-м, выбор пал на молодого профессора, доктора технических наук, декана механического факультета Куйбышевского индустриального института Арона Наумовича Резникова.

Тут необходима предистория. Еще в самом начале строительства нашей ГЭС начальник «Куйбышевгидростроя» Иван Васильевич Комзин буквально добился открытия в Ставрополе филиала областного индустриального института. На первых порах — вечернего отделения. Раз в неделю колесный пароходик трудяга «Джамбул» привозил из Куйбышева преподавателей, которые читали лекции, проводили семинарские занятия уставшим от работы, но рвущимся к знаниям молодым бетонщикам, сварщикам и механизаторам. Сменивший Комзина Семизоров (о нем рассказывалось в «ТС» от 22 апреля) долго добивался создания на базе этого на филиала самостоятельного института. Коллектив КГС сделал тогда немало — из бараков и подсобных помещений факультеты переезжали в более — менее приспособленные здания. Но при наличии большого количества желающих учиться и острой нехватке инженерных кадров (а уже поднимались тольяттинские заводы) крайне не хватало преподавателей.

Итак, выбор пал на Резникова. Честно говоря, в Тольятти ему переезжать не хотелось. Более пятнадцати лет отдано мехфаку, была создана и выпестована уникальная лаборатория, защищена докторская, появилась плеяда учеников. Жестко настоял на изменении его судьбы обком партии: надо-поедешь! И хотя был Арон Наумович дисциплинированным коммунистом, все же заупрямился. Когда понял, что отступать уже

некуда — тоже поставил свои условия. Во-первых его ученики (по желанию) должны поехать с ним. Во-вторых, им всем должны быть предоставлены квартиры. В — третьих, все необходимое оборудованное из выпестованной им лаборатории должно быть переправлено в Тольятти. Просьбу уважили.

Судьба много раз брала нашего героя «на излом». И всякий раз он выходил из всех передрыг с честью. Когда в годы войны занимался производством подствольной «гранаты Сердюка», работал с прославленным конструктором танка «тридцатьчетверки» Котиним и в сорок четвертом вновь ушел в аспирантуру, в науку. Небольшой штрих: в тяжкие годы войны правительство (а тогда оно олицетворялось Верховным Главнокомандующим) все же посчитало целесообразным открывать новые институты. И их было открыто 60! А в сорок четвертом, последовало распоряжение Сталина: всех ученых вернуть в аспирантуры. Страна усиленно наращивала свой научно-технический потенциал. А может быть, в те часы раздумий о переезде в Тольятти вспомнил Резников начало не менее суровых пятидесятых годов. Вновь нагнеталась истерия культа личности, исподволь готовились «ленинградское дело» и «дело врачей», начиналась борьба с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом». Тогда, тоже «через колено», заставил обком партии его, тридцатилетнего кандидата наук, стать деканом отстающего мехфака. Сомневался, да и что греха таить — побаивался. Но в обкоме отрезали: работай спокойно, в обиду не дадим!

«Я думаю, что точно также, как после ученого остаются его ученики, способные развивать науку, в каждом роду после старших поколений остаются младшие. Взяв лучшее из того, что сделали старшие, они должны, сплавив это со своим трудом и талантом, с любовью и дружбой, сохранять доброе имя и честь рода».

А. Резников

... Мы сидим в его более чем скромном кабинете, не менее скромной (если не сказать бедноватой) квартире. Как приехал сюда тридцать лет назад — так почти ничего не изменилось, разве что книг прибавилось. На отдельных полках — самые дорогие: его личные труды, работы его учеников, учебники, пособия, уникальные конспекты лекций. Неслышно входит его жена Бэла Львовна: на столе задымились чашки с ароматным кофе. Нынешней осенью исполняется шестьдесят лет, как они вместе. «А еще четыре года до этого мы дружили!» — лукаво улыбаясь, говорит Арон Наумович. Трудно представить, что ему идет девятый десяток лет — четкая, эмоциональная с лукавым юмором речь. Только вот глаза блестят немного неестественно. Страшная болезнь — глаукома — отняла зрение на одном и наступает на другой глаз. Но Арон Наумович до сих пор «действующий профессор» — читает лекции. Не Бог весть какое подспорье к его профессорской пенсии (аж в 400 тысяч!), но дело не в этом. Просто он привык быть постоянно в работе...

На вопрос о главных итогах его жизни профессор ответил лаконично. Первое — создание нового раздела в науке о резании: монографии, диссертации, учебники и ученики. Пятьдесят пять аспирантов, а ныне ученых, преподавателей, инженеров. Второе — создание кафедр, аудиторий, деканство и, наконец, — становление ТПИ. Третье — семья. Достоинно продолжен род предков...

За спиной моего собеседника портрет отца. Тоже профессора и доктора технических наук. В 1944 году, в один день, двумя указами, Наум Резников был удостоен двух орденов: Трудового Красного Знамени — по линии Авиапрома и Красной Звезды — по линии Министерства боеприпасов. Отец занимался резанием материалов. Теорией и практикой. Написал учебник. Сын продолжил его дело. Кстати, немного об этой науке. Знаменитый американский ученый Тейлор любил повторять:

«Благосостояние производства находится на режущей кромке инструмента!» всю свою жизнь средний Резников (а его сын тоже пошел по тем же стопам) занимался не просто резанием металлов — разработал совершенно новый раздел в этой науке: теплофизику резаний. И тоже создал уникальный учебник. Не будем вдаваться в подробности, техницизмы. Отметим только, что выкладки из его диссертаций, методики и разработки применяются и еще долгое время будут применяться при создании космических кораблей и сверлении железобетона, в новых сплавах и машинах, в уникальнейшем оборудовании — об этом можно и нужно рассказывать отдельно и подробно.

Но вернемся к двенадцатилетнему ректорству нашего героя в ТПИ. С чего начал Арон Наумович? А с того же, с чего начинал и при вытаскивании из «прорыва» мехфака в индустриальном институте. И это его удивительно роднит с другими героями нашей рубрики — Поляковым, Семизоровым. Первый ректор ТПИ приложил немало усилий для воспитания патриотизма, любви студентов и преподавателей к альма-матер, к науке и выбранной профессии. И речь здесь идет не только о студенческих научных обществах, всевозможных конференциях и формировании КОМАНДЫ. Коллектив спланирует не только и не столько работа — единый порыв и товарищеская атмосфера. Атмосфера доверия и внутренней интеллигентности. Вот почему он начал по старой дружбе (профессор — меломан) приглашать в ТПИ Куйбышевскую филармонию, искусствоведов. А какие КВНЫ и «Студенческие весны» проходили тогда в институте! Сам помню молодым журналистом, буквально прорывался на концерты бардов, встречи с поэтами и «капустники».

В тоже время был он крайне безжалостным к разгильдяям и пьяницам. Лично распорядился вывесить плакат: «Пьяниц — вон из института!». Когда завершилось громкое дело по увольнению одного из преподавателей, кто-то сказал: «Это же

антипедагогично — речь-то о преподавателе!» Но тут для Резникова различий не было. На этой принципиальности «горел» неоднократно. Вступал в жесткую конфронтацию с властями предрержащими из местного горкома партии. «Шишки набивал», но от своего не отступал. И именно поэтому пользовался заслуженной любовью у студентов. С первых же лет был высоко поднят его, а значит и института, авторитет в городе. По приезде узнал: ходят слухи, причем имеющие под собой основу, о протезировании и взятках на вступительных экзаменах и в приемной комиссии. Решение принял-таки прямо революционное: ввел в приемную комиссию представителей общественности и трудовых коллективов. Сам прием проходил гласно. Слухи, как и единичные факты (что было-то было), прекратились.

... Перебирая фотографии из профессорского альбома в поиске иллюстрации к этим скупым заметкам, отложим сразу одну — красочную: наш герой при всех орденах — медалях, с лауреатскими отличиями. Но потом уже в редакции, мы остановились на другой, более скромной. Где сидит наш герой в задумчивости и, можно сказать, с каким-то открытым, по-детски изумленным лицом. До чего же она была знакомой! Стали вспоминать: кого она напоминает? Вспомнили: академика Сахарова! Такая же поза, такой же открытый взгляд, такое же по-детски удивление миру. И как будто нет за плечами долгих десятилетий напряженнейшего труда. Поездок и лекций по всей, тогда необъятной стране, изнурительной организационной работы по проведению всесоюзных научных конференций, лекций в зарубежных институтах...

Но было бы неверно рисовать Арона Наумовича эдаким ученым –сухарем. Жизнь во всем многообразии любил и любит. Об увлечении уде говорили — музыка, театр. А самое главное — семья. Нежно, с какой-то юношеской пылкостью относится к жене. Боготворит внуков. Сын стал преемником дел.

На этой странице не случайно цитируются высказывания Резникова о семье и детях. Перечтите их еще раз. Они просты и мудры. Пронзительны по своей сути. И обращены не только к детям профессора — ко всем нам, у которых может быть, уже есть не только дети, но и внуки. Всегда, всегда надо помнить родителей, свой род, пестовать традиции. И все основывать на Труде. Именно так — с прописной буквы...

О нем, его судьбе, близких и вообще о том, не таком уж далеком времени можно рассказывать долго. Газетная площадь- увы, мала. Да и сам Арон Наумович это уже сделал блистательно. Написал еще пять лет назад, блистательные мемуары — «Эскизы прошлого в проекции на настоящее». Книга получилась яркая, живая с сочным языком, лукавым юмором и очень мудрая. Увы, она не издана и имеется лишь в единичных экземплярах. Профессор дал почитать ее — ночь не спал, не потому что был жесткий срок на чтение: нельзя оторваться, поинтереснее детектива! Вот бы ее хотя бы в несколько тысяч экземпляров, издать и просто дарить выпускникам ТПИ...

Два года назад он был удостоен высокого звания «Почетный гражданин города Тольятти». Его фамилия прочно вошла в историю. В историю науки, созданного им института. В историю города. Сам он достойно продолжил род Резниковых — врачей, педагогов, ученых. И передал эстафету детям, теперь уже и внукам.

И еще. Не хотелось сначала об этом писать. Потом понял: надо! Что-то мы стали замалчивать про мерзость обывательского национализма и антисемитизма. Во время нашей беседы с профессором он, абсолютно не педалируя, несколько раз произнес словосочетания «у нас в русской науке», «мы — русские ученые». Поправить пожилого человека на новое произношение –«российские» как-то духу не хватило. Он, видимо, что-то уловил, тут же сказал: «Вы знаете, я — еврей. Но я — русский

ученый. Наш род служил Отечеству!» Потом, вчитываясь в его мемуары, понял, какое количество обид пришлось перенести этому человеку. Но он выстоял. И еще вспомнилась парадоксальная запись их старого энциклопедического словаря: «Левитан. Великий русский художник. Еврей».

Через месяц мы будем торжественно отмечать 260 — летие города. Подновится доска почета. Вновь и вновь мы вспомним и будем чествовать наших почетных граждан города. Среди них — русский и еврей, украинец и новочеркасский казак, татарин и белорус. И это здорово. Мы — одна семья. У нас — одно Отечество. У нас — наш многонациональный город. Город в котором живут такие славные и легендарные люди, как Семизоров, Поляков... Как Резников.

Долгих лет им и низкий поклон!

*Валерий Иванов
«Тольятти сегодня»
26 апреля 1997 г*

Коренники эпохи созидания.

В 1995 году звания «Почетный гражданин города Тольятти» удостоили сразу трех человек. У них, совершенно разных, по профессиям, диаметрально противоположных по характерам, были схожие биографии. Все родилась на заре прошлого века — в 1915 году. Трудовой путь начали рабочими по металлу — слесарями и токарями. К сорока годам стали первыми руководителями гигантских коллективов и решали масштабные задачи всесоюзного уровня. Решали блестяще! Подтверждение тому — многочисленные высокие правительственные награды. Звания Почетных граждан они получили в 70 лет, будучи пенсионерами. Но и в преклонном возрасте продолжали работать референтами и консультантами. Двое из них, уже ушедшие от нас, трудились буквально до последнего дня.

... В русском языке есть весьма многозначительное слово — коренник. Толкуется оно как «главный, решающий», «основной исполнитель», «лидер движения», и поначалу так назывался основной конь в упряжке. Потом слово стало синонимом лидера. Виктора Полякова, Арона Резникова и Бориса Лещинера, ставших в 1995 году Почетными гражданами, с полным основанием можно назвать коренниками, эпохи созидания, славных 60-х годов XX века...

От первого колышка до первых «Жигулей»

О первом руководителе ВАЗа, заместителе министра автомобильной промышленности СССР написано немало, в т.ч. книги из серии ЖЗЛ, созданы кино- и телефильмы.

Богато и устное народное творчество: воспоминания

очевидцев передаются уже новым поколениям автоградцев. Но ни в одной из историй (а народная молва безжалостна к любым авторитетам!) нет даже намека на негатив!

В. Поляков

... Перечислять в коротких заметках общеизвестные факты его биографии — дело неблагодарное. Ограничимся отдельными, до сих пор малоизвестными штрихами. После окончания Московского автомобильно-дорожного института вчерашний слесарь был призван в армию и с 1938 по 1946, то есть восемь лет, тянул лямку военспеца. Его участие в войне отмечено фронтовым орденом «Красная Звезда» и особо ценимой наградой среди бывших на передовой — орденом Отечественной войны 1 степени.

За два послевоенных десятилетия он достаточно быстро прошел путь от инженера-испытателя до директора АЗЛК, где налаживал выпуск первых «Москвичей». Азартно любил спорт — играл в сборной завода по футболу. Но еще больше любил и знал легковой автомобиль. Эти знания, азарт и его мощный потенциал были хорошо известны руководству

страны: особого конкурса на должность генерального директора будущего завода не было — предсовмина Алексей Косыгин сразу предложил именно Полякова.

... Любил ранним утром пройтись пешком на работу — от Порт-поселка по опушке леса до временной дирекции на Белорусской. Регулярно появлялся в еще строящихся цехах в ночную смену. Причем все его «рейды» были без свиты и охраны. Когда начался выпуск «Жигулей», ездил только на них, тем самым подал пример всему вазовскому генералитету (в отличие от нынешнего, рассекающего на иномарках). В общении всегда был суховат, но ровен, никогда не позволял грубого слова или повышенного тона. Причем не важно, с кем — простыми рабочими или премьер-министрами. Инженером был, что называется, от Бога. Трудно даже перечислить, сколько нового, поистине революционного привнес он в отечественное автомобилестроение. Это было не пассивное копирование западных образцов: в итальянскую, немецкую, французскую и американскую технологии вносились уникальные изменения. Но главное — он очень бережно относился к людям, воспитал гигантскую плеяду руководителей, и не только для ВАЗа, его воспитанники потом запускали КамАЗ, возглавили заводы-спутники, работают поныне в министерствах и НИИ.

Он создал завод от первого колышка в заволжской степи в 1966 году до выпуска первых «Жигулей» в апреле 1970-го. А потом еще пять лет руководил предприятием, наращивая не только темпы производства, но и выпуская практически ежегодно новые модификации «Жигулей». Потом был назначен министром всей автомобильной промышленности СССР и долгие годы работал уже в Москве, но связей с Тольятти никогда не терял.

Заранее завещал похоронить только в Тольятти. Три года назад траурный кортеж прошествовал по проспектам Автограда, вдоль главного корпуса автогиганта: город и завод

торжественно-скорбно проводили его в последний путь.

Последний из могикан

Название известного романа Фенимора Купера часто используется в определении людей — ярких представителей целых племен и эпох. Борис (Беницион Борух) Лещинер как никто подходит к этому определению. По профессии — снабженец. Но — какой!

... В тридцать с небольшим возглавил управление по снабжению «ВолгоДонСтроя», ему еще не было и сорока, а он стал заместителем всесильного начальника «Куйбышевгидростроя» Ивана Комзина по снабжению. Малозначащая для нынешних поколений аббревиатура УМТС (управление материально-технического снабжения) вмещала в себя абсолютно все: от поставок пшена и мяса для общепитовских столовых КГС более чем на 100 тысяч человек до сотен тысяч тонн металла, ГСМ, станков, оборудования и материалов. В 50–60-е годы компьютеров не было, а количество позиций всего необходимого зашкаливало за десять тысяч! И весь этот гигантский механизм должен был работать как часы. Снабженцы Лещинера были вездесущи, точны, жестоки, но крайне исполнительны. Большие стройки требовали колоссальных материальных ценностей. Им была создана разветвленная и четко работающая структура снабжения гигантских строек. Он лично «вязал узелки» взаимопоставок между министерствами и предприятиями, месяцами жил в московских гостиница, наводя ужас на клерков Госснаба. Десятки миллионов (по нынешним ценам миллиардов) рублей проходили через него в виде сотен эшелонов и караванов барж с техникой и материалами. И все это должно было поступать в Ставрополь-Тольятти точно в срок, в целости и сохранности!

Великий Суворов говаривал: «Снабженцев-интендантов через год службы надо либо орденом награждать, либо

расстреливать. Третьего не дано!» Лещинера награждали.

Два ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской революции. А еще — звание «Заслуженный строитель РСФСР».

... В последние годы я регулярно захожу к Борису Матвеевичу. Сейчас ему идет 91-й год. Память ясная и цепкая.

Вспоминает с мельчайшими подробностями десятки своих учеников. Кстати, студенческую практику у Лещинера проходил наш нынешний губернатор Титов. Показал ему гранки этой публикации. Старик ворчливо отметил: «Слишком все у тебя красиво, эпитетов много. Мы просто были детьми своей эпохи. И Комзин, и Семизоров, Поляков... У вас другое время, другие герои. Но то, что помните, вспоминаете и напоминаете нынешним поколениям о прошлом, — правильно и разумно! Дай Бог и поколению XXI века созидать еще больше!»

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»
17 февраля 2006 г.*

15-й ... директор. Абрамов

Завтра городская Дума рассмотрит представленные общественной комиссией кандидатуры для присвоения звания «Почетный гражданин Тольятти». Авторитетную комиссию из наиболее уважаемых горожан возглавляет консультант-советник мэра Николай Вартанович Абрамов. Большинству же наших читателей старшего поколения он больше известен как генеральный директор завода «Синтезкаучук», с более чем тридцатилетним стажем. В мае прошлого года он сам стал, пятнадцатым по счету, обладателем звания «Почетный гражданин Тольятти».

Недавно он перенес серьезную операцию: если президенту Ельцину трижды шунтировали сердце, то Николаю Вартановичу — пять раз! Чувствует себя, дай Бог ему здоровья, прекрасно. Как и прежде подвижно-энергичен, традиционно юмористичен, подчеркнуто элегантен и, как всегда, колоссально работоспособен. Нашу беседу постоянно прерывали звонки самых различных людей — ректора политехнического, крупных хозяйственников и банкиров, чиновников самого высокого ранга. Его разговоры были динамичными, без лишнего суесловия — предельно лаконичными и конкретными...

В блестящем фильме шестидесятых годов «Здравствуй, это я!» главный герой (его отлично сыграл Армен Джигарханян) на вопрос о национальности без всякого пафоса отвечает: «Я — русский сын армянского народа». В последнее время, после развала СССР и „всплеска омерзительнейшего национализма, тема интернационализма и братства людей как-то отошла на задний план, стыдливо замалчивается. А зря. Уж если мы начали брать пример с наиболее цивилизованных стран, в частности — с США, то стоило бы обратить внимание на то, как там

настойчиво пропагандируется равенство граждан и единение людей вне зависимости от цвета кожи и разреза глаз...

Николай Вартанович Абрамов родился в среднеазиатском Ашхабаде, институт заканчивал в Грозном, распределение получил в Среднее Поволжье. Для него никогда не стоял вопрос национальности — окружающих людей определял по простым житейским признакам: порядочности и профессионализму. На том стоит и сегодня. Профессионалом же — химиком-производителем — является высоким. Не случайно сразу же после институтской скамьи, в 1954 году, был назначен главным инженером Сызранского нефтеперерабатывающего завода, потом директорствовал на Куйбышевском нефтеперерабатывающем, а в начале шестидесятых приехал в Тольятти — на «Синтезкаучук».

Видимо, есть смысл, хоть вкратце, рассказать о предприятии — «флагмане большой химии» — с коротким сокращенным названием «завод «СК». Тогда (да и сегодня) подобных колоссов не только в стране, но и за рубежом было всего несколько. Около четырехсот тысяч тонн четырех видов синтетического каучука (и целая серия подвидов!) выпускал наш «СК» в год. Продукция высоко котировалась не только в СССР, но и на европейском и азиатском рынках. Сложнейшее технологическое оборудование требовало к себе внимания специалистов высокого класса. И здесь, как в наших рассказах о предыдущих героях рубрики «Люди нашего города» (Полякове, Семизорове, Резникове), вновь пойдет речь об умении создания единой КОМАНДЫ главных специалистов, сплоченности более чем десяти тысячного коллектива. В местном политехническом был открыт химфак. Жесткой, но необходимой традицией стало назначение выпускников вузов на рабочие должности аппаратчиков — молодые инженеры проходили достаточно суровую школу рабочего класса. Кто справлялся успешно — становился

мастерами, инженерами, начальниками участков и цехов. Более чем за тридцать лет директорства Николай Вартанович воспитал целую плеяду прекрасных инженеров, настоящих руководителей производства.

В чем секрет авторитета, любви и уважения коллектива? Вернемся к нашим предыдущим героям. Общеизвестно: Виктора Николаевича Полякова отличали поистине энциклопедические знания в автомобилестроении и масштабность мышления, рационализм и прагматизм. Начальник КГС Семизоров был не менее масштабен и стратегически прозорлив, но более открыт людям, в отличие от суховатого, «застегнутого на все пуговицы» гендиректора ВАЗа. Арон Наумович, достойно продолжая традиции отечественной профессуры, всегда тесно общался со студенчеством, пестовал молодых ученых, был буквально влюблен в ЭКСПЕРИМЕНТ и свои лаборатории. А вот в Абрамове как-то счастливо совмещались все эти черты. Где надо, особенно «в верхах», мог быть предельно собранным и даже жестковатым. С учеными и элитными инженерами (а шло постоянное внедрение новых технологий!) показывал широту знаний химика. В трудовых коллективах его не побаивались, наоборот, всегда окружали люди. Мог (да и сейчас не чурается этого) быть веселым балагуром, любит сочное словцо, каламбуры и анекдоты. Но эдаким простачком его не назовешь — скорее лукавым и в то же время достаточно открытым человеком.

Нынешнее поколение молодых вряд ли себе представляет жизнь в нашем городе тридцать-двадцать лет назад. Количество жителей умножалось в геометрической прогрессии, постоянно ощущалась нехватка продовольствия, были проблемы с жильем, детскими учреждениями... Чем только не приходилось заниматься руководителям предприятий — от возведения... подсобных хозяйств до «пробивания» дачных вопросов! И здесь Николай Вартанович был первопроходцем. Именно химики

«СК» первыми начали осваивать дачные хозяйства и огороды. Пример подал сам директор. Он и сегодня любит покопаться на своем участке в четыре сотки... В перечне дел тех лет — свинокомплекс на две тысячи голов, рыбный и колбасный цеха, профилактории и турбазы, детский оздоровительный лагерь и красавец Дворец культуры с залом на 1200 мест. Исключительно на средства химиков были возведены семь школ, собственная уникальная поликлиника и медицинский корпус в городской больнице имени Баныкина, терапевтический и хирургический корпуса в медсанчасти № 7. Директору крупнейшего в Европе завода приходилось решать даже проблемы новых троллейбусных линий, детских садов, спонсирования спортсменов.

Самоотверженный труд Н.В.Абрамова высоко оценен — он отмечен высшими наградами СССР — орденами Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. С 1972 по 1996 год являлся председателем совета директоров Тольятти, а ныне возглавляет элитарный «Ротари-клуб».

Это только внешне казалось, что у Абрамова получается все легко, просто и как-то даже играючи. Каждое новое решение, каждый «выбитый» миллион рублей (а тогда это были колоссальные деньги!) стоили долгих споров, были необходимы «железные» аргументы. Много, очень много раз приходилось жестко спорить и доказывать свою правоту в самых высоких кабинетах. И эти споры, а порой и бескомпромиссная борьба оставляли на сердце серьезные «рубцы» — недавняя операция не случайность, а суровая закономерность итогов тех тридцати лет...

Уже тогда, в семидесятых, он видел искривленность нашей экономики и отлично понимал: завод и его продукция будут конкурентоспособны лишь завоеванием международного рынка. Добился открытия своего представительства в центре

Европы — в Будапеште. Действует оно и сегодня. Одним из его руководителей является мой приятель с юношеских лет. Иногда встречаемся. И каждый раз он не устает повторять, как прозорливо-перспективен был расчет Абрамова с выходом на европейский рынок. И пусть сегодня «СК» почти в пять раз (!) снизил свои мощности — продукция завода по-прежнему востребована западными фирмами и высоко котируется. Свидетельством тому — различные награды и другие отличия по успехам этого бизнеса: как в масштабах страны, так и за рубежом.

... Когда мы разговорились о делах сегодняшних, Николай Вартанович слегка помрачнел. Недобрым словом вспомнил монополистов — энергетиков, газовиков и железнодорожников. Посетовал на то, что, если в самое ближайшее время не будет решен вопрос по снижению тарифов естественных монополий — производить синтетические каучуки станет просто невыгодно. Со сдержанным оптимизмом отозвался о последних шагах обновленного правительства. Был лаконичен: снизятся тарифы — завод выстоит! А иначе нас просто вытолкнут с мирового рынка, возвращаться же на былые позиции будет ох как трудно.

В апреле объявлено банкротом АО «Фосфор», там введено внешнее управление. Тогда же, в очередной раз, арбитражный суд отложил решение по делу о несостоятельности АО «Синтез-каучук». С основными кредиторами предприятия удалось договориться — с «Самараэнерго» и «Самаратрансгазом». Завод вновь начал выпускать продукты на экспорт. Есть серьезная перспектива погашения долгов. Но положение по-прежнему сложное. И хотя Николай Вартанович не стоит у руля «СК» — сил и старания в оказании помощи предприятию оказывает немало...

Чем же сегодня занимается наш герой? Его пригласили консультантом-советником в мэрию. Недюжинный опыт, старые связи, ум аналитика — все это находит свое применение в повседневных и стратегических делах мэрии. Как наиболее

уважаемый и авторитетный человек, он возглавил комиссию по представлению в городскую Думу кандидатур на звание «Почетный гражданин Тольятти». Для широкой публики малоизвестна деятельность местного «Ротари-клуба», которым ныне руководит Абрамов. Попробуем восполнить данный пробел. Движение ротарианцев международно — подобные клубы имеются во всех цивилизованных странах, в общественную и неформальную организацию объединяется не такой уж большой круг лиц — обычно он исчисляется десятками членов. Это люди «своего круга», достаточно мудры по знанию жизни, авторитетные в деловом мире. Но занимаются они в основном благотворительностью, так сказать, «на общественных началах». На счету Тольяттинского клуба (а он вошел в мировое содружество этих организаций) немало интересных дел. Перечислим лишь некоторые из них. Шефство над земляками — участниками Парада Победы. Посадка и присмотр за «личной» рябиновой рощей. Непосредственное участие в сборе спонсорских средств для Фонда «Духовное наследие» — сейчас большая часть этих денег пошла на подготовку празднования 260-летия города. Сюда же следует причислить и помощь членов клуба инвалидам, различным социальным учреждениям. Жизнелюб, привыкший постоянно находиться на людях и среди людей, он — человек общественный. Пожалуй, нет таких масштабных тольяттинских дел, к которым бы он не имел отношения. Развитие науки и образования, коммунальные проблемы, вопросы экономики и культуры — сфера его интересов по-прежнему колоссальна.

Но есть еще одна ипостась его характера — любовь Абрамова к дому, уюту, семье и, если хотите, своеобразному домострою. Видимо, срабатывает генетика традиционно армянского отношения к семье. Эту любовь он постоянно трансформировал на заводские общежития, базы отдыха. До

сих пор профилакторий «СК» является самым лучшим в городе, каким-то домашним и очень уютным.

... Годы неумолимо отсчитывают седьмой десяток. Время I нынешнее — непростое. Но нет у Николая Вартановича уныния и скепсиса. Он полон планов и идей. Работоспособен, как никогда. В этом ему помогает кровь предков, заветы отца, много лет отдавшего полиграфии и прошедшего путь от простого наборщика до редактора по выпуску серьезных книг.

Человек всегда оставляет след своих деяний. Малых и масштабных. Личных и общественных. У Абрамова есть главная привязанность — внучка. И мы особо не сомневались при подготовке этого материала: какую фотографию поставить на газетную страницу — конечно же, нашего героя с внучкой!

Вот и завершаются эти короткие, далеко не всеобъемлющие заметки об одном из славных граждан нашего города. Об армянине из Ашхабада, который стал настоящим волжанином, пустил здесь, в Тольятти, крепкие корни своего рода.

Завтра, как всегда, элегантно-собранный и улыбчивый, он отправится на работу. В последний раз посмотрит документы на представление в Думу. Из шестерых кандидатов будет выбран лишь один. Ему этого жаль — все люди достойные, известные ему лично, тысячам и тысячам горожан. Но порядок есть порядок — выбран будет лишь один... До завтрашнего дня у нас всего 15 почетных граждан города. Пятерых уже нет в этой жизни. Завтра будет шестнадцатый. А вообще-то — один из многих-многих тольяттинцев, чьими руками и судьбами возводился и хорошел наш город. Как и судьбой, поступками Николая Вартановича Абрамова...

16 мая 1997 год
«Тольятти сегольня»
Валерий ИВАНОВ.

Созидатели

Восемь лет назад, в мае 1998-го, комиссия по присвоению звания «Почетный гражданин города Тольятти» заседала рекордно короткое время. Две кандидатуры были утверждены без каких-либо дискуссий.

Недавно покинувшему пост директора «Куйбышевазота» Ивану Красюку данное награждение стало своеобразным подарком к 65-летию. Присвоение же звания известному во многих сферах — от спорта и медицины до бизнеса и политики — Виталию Гройсману венчало его более чем тридцатилетний труд в Тольятти...

Азарт и упорство

Тридцать пять лет назад, будучи совсем юным журналистом, я познакомился с ним и опубликовал первый мини-очерк о тренере-враче-строителе Гройсмане. Это был (и остается!) удивительно яркий человек, завораживающий азартом и

оптимизмом. Поистине находка для журналистов! Тот первый очерк, к моему юному тщеславию, Виталий Александрович даже одно время держал на стене в рамочке. В последующие годы публикации о нем исчислялись уже не десятками — сотнями как в местной, так и центральной прессе. Да и сам он написал немало: подготовил сотни серьезных статей и монографий, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, составил две любопытные книги мемуаров.

Рассказывать о нем легко и сложно. Можно дежурно перечислить его многочисленные и разнообразные успехи в создании отечественной спортивной акробатики, строительстве клиник, целого больничного комплекса (его так и называют «больница Гройсмана»), членство в двух академиях — Российской и Нью-Йоркской. Его жизнь, на девяносто процентов складывающаяся из публичной работы, всегда на виду у тольяттинцев. Завершая седьмой десяток, он по-прежнему продолжает удивлять и радовать горожан новыми проектами, четко продуманными (не всегда лицеприятными, но предельно откровенными) высказываниями на страницах местной прессы.

Было бы неверно полагать, что все на его жизненном пути было легко, удачно и быстро. Наоборот, Виталию Александровичу, особенно в первые десятилетия тольяттинского периода, приходилось постоянно преодолевать как внешнее, так и внутреннее сопротивление. К внешним невзгодам стоит отнести элементарную человеческую зависть: десятки жалоб и анонимных доносов поступали о нем в партийные и «компетентные» органы. Проводились проверки и расследования, были попытки исключения из партии, что подразумевало абсолютный крест на любой карьере — будь то в спорте или медицине. Не всегда удавалось ему при всей гибкости и толерантности находить общий язык... Стремление быть успешным во всем приводило и к внутренним конфликтам с самим собой.

В бурную эпоху быстрого накопления капитала он как человек деятельный тоже занялся модным в городе автобизнесом. Став состоятельным горожанином, построил один из первых коттеджей на опушке леса. Но бизнес имеет жесткие законы, которые никак не вписывались в психологию подлинного советского человека. А Гройсман при всей его авантюристичности и прагматичности был и остается воспитанным не столь на кодексе строителя коммунизма, сколько на его первоисточнике — нагорной проповеди Христа.

Содержание коттеджа требовало времени и решения мелких хозяйственных проблем. Он же привык решать более масштабные задачи: строительство спорт-комплекса «Акробат» или полная реконструкция больничного городка. Были и другие, не менее яркие проекты: от строительства часовни до экспериментальных «пирамид».

Азарт общественного и абсолютно нового победили в нем бизнесмена и частного владельца — из коттеджа переехал в стандартную городскую квартиру, автобизнес забросил. Более того, стал еще больше участвовать в общественной жизни сначала депутатом городской, а ныне и губернской думы. При всей своей популярности он никогда не забывает «простых и маленьких людей». Тех, с которыми хоть раз его свели судьба и общее дело. Непублично и как-то естественно помогает Виталий Александрович бывшим спортсменам, коллегам по работе. Проповедует принцип не подчиненности, а партнерства в своем немалом медицинском коллективе. Любопытен круг его знакомых и друзей — от прораба до отцов города и банкиров, от казачьего есаула до исполнителя бардовских песен.

Будучи интернационалистом и патриотом России, города, он при своей специфической фамилии был торжественно произведен в...казаки, инициировал строительство православной часовни, помогал в создании других храмов. Кстати, о

фамилии: с немецкого она переводится как «большой человек».

В политике — городской и губернской — он уже четверть века. Если что-то считает неверным, может телеграмму и президенту России отбить с самыми жесткими возражениями. Отрицая заказную журналистику, он всегда находит в своем плотнейшем рабочем графике время для общения как с представителями солидного издания, так и малотиражной газеты. На свои предвыборные кампании, в отличие от большинства кандидатов, не потратил ни копейки. За него агитировали друзья и знакомые, тысячи благодарных пациентов, а главное — его конкретные добрые дела.

Отец заводов

Производственное объединение «Куйбышевазот» является, как и ТоАЗ, комплексом химических заводов. У истоков как первого, так и второго стоял один человек — Иван Красюк. Но если на строящийся в шестидесятых годах Куйбышевский

азотнотуковый завод он приехал на должность директора, то ТоАЗ начинал даже не с первого колышка — с рождения самой идеи строительства химического гиганта в Тольятти.

... Красюка отлично знают несколько поколений тольяттинских химиков и строителей. Любопытна и героична биография его молодости: служба в разведке, три ранения, боевые награды. После войны закончил институт и за десять лет прошел путь от инженера до начальника производства аммиака и карбамида на Салаватском нефтехимкомбинате. С 1964-го — в Тольятти, 23 года руководил «Куйбышевазотом». Можно долго и подробно рассказывать о его чисто производственных успехах и высоких правительственных наградах. Но гораздо интереснее другое: за что любят и уважают его несколько поколений тольяттинских химиков?

Во-первых, в лихое время перестройки и экономических реформ он смог сохранить целостность и масштабность предприятия. Его не растащили, не «прихватизировали» ушлые бизнесмены. Как, например, тот же «Фосфор». Во-вторых, Иван Андреевич (естественно, вместе с единомышленниками) смог создать дружный и весьма дисциплинированный коллектив с активно действующим профсоюзом. Он не позволил растащить «социалку», сохранил все льготы, не гонял прибыль по оффшорам, а постоянно модернизировал производство.

Выйдя на пенсию, Красюк не покинул завод, долгие годы работал инженером отдела товаров народного потребления. Именно активность данного направления давала заводу возможность иметь наличные деньги, столь необходимые в трудные времена экономической свистопляски реформ и законов.

Немногие знают, что в семидесятые годы большая группа тольяттинских химиков во главе с Красюком была награждена орденами и медалями за участие в... космической программе СССР. Тогда завод успешно справился с заданием по

промышленному производству одного из важных компонентов для ракетного топлива. Опыт «команды Красюка» был востребован и при строительстве двух гигантов отечественной экономики — ТоАЗа и аммиакопровода Тольятти — Горловка — Одесса. Именно Иван Андреевич нашел место будущей стройплощадки, пробивал идею строительства завода в самых высоких кабинетах.

К списку конкретных дел Красюка можно добавить еще немало. Открытие химико-технологических профтехучилищ и санатория-профилактория «Ставрополье», ДК «Юбилейный» и начало шефства над боевым кораблем Балтфлота «Василий Татищев», ведомственные детские сады, шефство над школами...

Стратегический курс Красюка на постоянную модернизацию, освоение современных технологий помогли «Куйбышевазоту» и ТоАЗу выстоять в жесточайшей конкуренции. А социальная стабильность и монолитность трудовых коллективов успешно противостоит не прекращающимся попыткам рейдеров по смене хозяйствующих субъектов. Можно быть уверенным: если курс будет продолжаться и впредь, если он будет получать все возрастающую поддержку городского сообщества, предприятия и далее будут нашими флагманами. И это лучшее увековечивание памяти о поколениях шестидесятых-семидесятых годов. О тех, кто создавал наш город, его гордость и славу — промышленный потенциал не только Тольятти, но и всей России. Поколения, к которому принадлежит Иван Красюк.

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»
16 июня 2006 г.*

«Зубр» Владимир Махлай

«Зубр — реликтовое большое млекопитающее, оставшееся в единственном месте на границе Западной и Восточной Европы в Беловежской Пуще. «Зубр» шутиливо — одобрительное название высококлассного уникального специалиста, умудренного и талантливомго руководителя.»

Большой энциклопедический словарь

В прошлом году ему исполнилось семьдесят пять лет. Шестнадцатилетним пареньком он начал трудовой путь в родном городе Губаха Пермской области. Затем была служба в подводном флоте, и только потом — работа на Губахинском химическом заводе. Начинал Владимир Николаевич помощником машиниста. Кадровики заметили толкового рабочего и предложили должность мастера. И угадали. Он успешно справился и с этой должностью, и с другими: механика, заместителя начальника цеха, начальника цеха, заместителя директора завода по капитальному строительству. В 1974 году Владимир Махлай

возглавил уже завод. Тогда ему было 36 лет.

Его успешность объясняется, на мой взгляд, особенностями характера — целеустремленностью, созидательностью, желанием двигаться вперед — и основательной теоретической базой. Владимир Николаевич закончил химико-технологический факультет Пермского политехнического института и факультет организации производства Уральского политехнического института.

Не стоит думать, что путь юбиляра был устлан розами. Скорее наоборот, но чем больше власти, конкуренты, обстоятельства давили на Владимира Николаевича, тем сильнее он становился.

Когда Махлай строил в Губахе современное производство метанола, он сутками не покидал объект. Кураторы из ЦК и правительства, понимая стратегическую важность для страны этого производства, не раз обещали:

— Закончишь объект, присвоим звание Героя Социалистического Труда.

После торжественного разрезания ленточки выяснилось, что по разрядке из Москвы «пришло» только одно звание Героя, и присвоить его надо было рабочему. Так никому не известный водитель, возивший щебень из карьера, стал Героем Соцтруда, а директору химзавода вручили орден Трудового Красного Знамени. Вообще, у Владимира Николаевича три ордена за работу на химзаводе Пермской области. Кроме того, губахинцы потом в знак глубокой признательности присвоили Владимиру Николаевичу звание Почетного гражданина города.

Генеральным директором «Тольяттиазота» юбиляр стал в 1985 году. Вопрос о его назначении решался в Москве, потому задача была масштабная — сделать ТоАЗ передовым предприятием.

Два года Владимир Махлай не выходил из цехов, причем

менять приходилось многое — от оснастки до системы оплаты труда. Вспоминая то время, он сказал:

— Система оплаты тоже была интересная. У начальства — персональные оклады, независимо от производительности завода; в цехах — тоже полный шоколад: сами агрегат запорют, и сами на его ремонте зарабатывают, аккордную оплату получают. Тогда в чем, думаю, у них интерес: в бесперебойной работе установки или в ее остановке и ремонте? Ясно, что во втором. И это поменял резко и навсегда. Да много чего там несуразного было. Я насчитал около 300 нарушений в технологии. Семь месяцев мы бились над пуском второго агрегата...

Пока Владимир Николаевич занимался пуском агрегатов, на него постоянно писали жалобы, анонимки в различные инстанции. То за увольнение бездельников, то за «нескромность в быту» — в его квартире одно окно было прежним владельцем заложено для тепла кирпичом. Этот кирпич Владимир Махлай убрал, чем вызвал критику «тайных контролеров».

Конечно, были проблемы и посерьезнее проверок, вызванных анонимками. Когда в 1998 году августовский кризис накрыл страну, у ТоАЗа висел кредит в 40 миллионов долларов. Западноевропейские банки заволновались и стали настаивать на досрочном возвращении всей суммы.

— Представляете мое состояние? Я же деньги не под подушку спрятал, а в дело направил. Что делать? Попросил дать отсрочку до Нового года. Дали, через три месяца мы деньги вернули. Было очень трудно, но рассчитались. Банкиры успокоились, и я молчу. А в феврале 1999 года звонит мне управляющий одного из европейских банков и сообщает, что они готовы рассмотреть ситуацию с кредитами для ТоАЗа. Я его пригласил на завод, показал все производства. Через два дня нам выделили 5 миллионов долларов. Это была победа! Мы тут же открыли оперативные долги, сделали срочные выплаты. И опять

пошли вперед! — вспоминает Владимир Николаевич.

Много чего было после этого. Открытие новых производств, отражение рейдерских атак, строительство порта в Тамани. И хотя чиновники Краснодарского края под любыми предложениями тормозят окончание строительства, Владимир Николаевич верит, что порт — один из самых масштабных его проектов — в недалеком будущем станет принимать корабли. Он был и остается поистине одним из первопроходцев, пассионарием нашего города. Верит в это и многотысячный коллектив корпорации. А когда коллектив и руководитель — одно целое, они свернут горы!

Сергей Русов

Главный редактор газеты «Вольный город»

11 февраля 2011 год

За двадцать лет директорства Губахинским химзаводом он построил и пустил одиннадцать сложных производств, а всего за четверть века в Тольятти — втрое больше!

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и другими наградами, званиями.

В 2001 году получил звание «Почетный гражданин г. Тольятти»

Первый мэр Тольятти. Жилкин

В числе первопроходцев, ярко-выраженных пассионариев нашего города надо обязательно вспомнить о Сергее Федоровиче Жилкине. И будет уместно и логично опубликовать рядом две фотографии — его и портрет и снимок величественного памятника Василия Татищева.

Наш первый мэр провел поистине титаническую работу по решению, подготовке и сооружению памятника, который стал визитной карточкой города.

В нескольких десятках метров от фундамента памятника (в виде фортов крепости Ставрополя) находится стела с барельефом первого председателя гориполкома Василия Баныкина. Под стелой находится прах погибшего в 1918 году первого советского руководителя нашего города.

Судьба Жилкина, как и Баныкина, была стремительно –революционной. К завершению комсомольского возраста, он начал подъем к штурму Олимпа власти — сначала по линии про-фсоюзной, а затем и производственной.

Через две недели после исторической партконференции генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев в первый раз поперхнулся своей «гласностью-перестройкой». Она плюнула ему в лицо 1 мая во время демонстрации на Красной площади. Десятки смелых самодеятельных плакатов и лозунгов колыхались над колоннами, среди которых выделялся «Партия, дай порулить!», возмущивший генсека до такой степени, что он в сердцах ушел с трибуны. Но выпущенного им «джинна свободы» уже невозможно было остановить. Молодые, веселые и находчивые почувствовали вкус больших интересных дел. Первые выборы руководителей разного уровня не по указанию партии, а по воле трудящихся сразу дали мощный приток свежих и инициативных кадров. Среди них выделялся 27-летний начальник нового цеха ВАЗа Сергей Жилкин, выигравший конкурс на замещение вакантной должности и ставший самым молодым начальником цеха.

Это было время молодых и инициативных ребят. Кто-то любил туризм и КВН, кто-то — бардовскую песню или рок, кто-то начинал заниматься коммерцией и кооперативами. Жилкин сразу выдвигался среди друзей в лидеры, будь то в «Жигулевской кругосветке», в экстремальном походе по горной речке или в КВНе. В 1990 году его товарищи решили помочь общему другу, порядочному и ответственному Николаю Брусникину стать депутатом, а затем возглавить... ни много ни мало районный Совет народных депутатов самого большого в стране

Автозаводского района. Желавшие перемен (как в популярной в то время песне Виктора Цоя «Перемен! Мы ждем перемен!») жители поддержали их. Избранный председатель райсовета предложил Жилкину возглавить администрацию района. Кому как не ему — молодому лидеру, умеющему решать любые проблемы и любящему свой молодежный город, возглавлять такой район! Он успешно справлялся с работой и вскоре стал главой всего города, первым избранным мэром.

«Мэрами, как и генералами, не рождаются. Ими становятся. Мэр, как и генерал, не может быть «одним в поле» — нужны солдаты-единомышленники».

С. Ф. Жилкин о коллективном разуме команды мэрии

С первых же дней публичной деятельности он работал по 10–12 часов в сутки. А еще — постоянно учился! «Без отрыва от производства» закончил Международную школу управления Великобритании, затем — Академию государственной службы при президенте РФ. Блестяще защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук по экономике управления. Всем работающим с ним он напоминал ленинский принцип непрерывного обучения. Став мэром, он изменил контракты руководителей (топ-менеджеров) управлений и отделов, сориентировал их на самостоятельную учебу. А тем, кто был особо способен, поставил в контракте условие защиты кандидатской диссертации.

Все обучались современному анализу и стратегическому планированию.

«...Надо знать свой город, долго жить в нем, любить и знать людей, живущих в нем. Надо иметь крепкое здоровье, уметь работать без выходных и по 10–12 часов. А еще — постоянно и

ежедневно учиться!»

Из последнего перед уходом с поста мэра интервью

Сергей Федорович жестко контролировал использование персональных компьютеров и интернета для повышения эффективности работы. Позже, возглавив им же созданный Университет, он открыл свой личный сайт, с помощью которого быстро и эффективно начал бороться со взятками среди преподавателей. Кстати, еще пятнадцать лет назад, когда не думали о модернизации, об открытии инновационных центров типа Сколково, он уже начал реализовывать гигантский проект — создание Университета, практически один поднимая махину проблем его рождения и становления.

Ошибки и победы. Враги и друзья

Было бы неверным считать, что у Сергея Федоровича не было ошибок. Были, в том числе достаточно серьезные, и стратегические, и кадровые. Вспомним, как оглушительно прогремел провал инвестиционной программы фирмы «Ада». Тогда в черной дыре оказалось сорок процентов бюджета города. Только неимоверными усилиями финансистов-профессионалов удалось заштопать эту «заплатку» дефицита. Не удалось ему убедить общественность Тольятти в целесообразности строительства «лесной дороги». С большими бюджетными потерями прошла телефонизация населения с помощью компании «АИСТ». Остались нереализованными проекты по выпуску муниципального займа, возведения жилого фонда быстрого домостроения.

Но легко не ошибаться тому, кто ничего не делает. Вот у третьего мэра нет громких провалов, но и следа никакого от его

мэрства в городе не осталось. Через два-три года его никто и не вспомнит.

А Жилкина трудности только закаляли. С еще большим азартом он искал и находил новые решения, новые проекты для улучшения имиджа родного города, для решения проблем горожан. Трудностей он не боялся, умело преодолевал преграды. Правда, очень переживал, когда приходилось расставаться с недавними единомышленниками из-за принципиальных разногласий. Некоторые, став большими чиновниками мэрии, почувствовали не только власть, но и казавшиеся легкими деньги, стали выстраивать собственный бизнес. Приходилось принимать жесткие меры

...Вспоминается, что во время пика борьбы за пост мэра кроме Жилкина вышли еще два кандидата. Оба — бывшие партийные функционеры, имевшие опыт подковерной интриги. Сегодня многие забыли о том, как один из претендентов был «снят с дистанции» с помощью чекистов, добывших и опубликовавших в «Тольяттинском обозрении» компромат о связи кандидата с криминалом. Второй проиграл «на финишной линии», немного недобрав для победы. И тут впервые в истории новой России сработал американский вариант, когда избранный президент берет себе вице-президентом проигравшего! Жилкин взял на работу первым заместителем бывшего соперника Николая Уткина, объединив в руководстве городом новаторство и ответственность с опытом и хозяйственностью. Это было смело, мудро, конструктивно, а главное, город от этого только выиграл: были обеспечены стабильность, единство, преемственность и дальнейшее развитие.

Да, он не был застрахован от ошибок, неверных решений, особенно по кадровым вопросам. Но в большинстве случаев ему удавалось точно находить и понимать тон настроения или нерв протеста при встречах с разными горожанами. Он лишь не

понимал и не принимал циников и унылых скептиков. Главный «оселок», на который он проверял людей, был простой: каждый человек должен быть патриотом своей Родины, своего города, чтить известные заповеди и честно их исполнять.

Он ввел в мэрии традицию, неожиданную для серьезного учреждения... угощения в день своего рождения клубникой с грядок собственного дачного участка. Представьте себе несколько десятков руководителей управлений и департаментов, сидящих на заседании аппаратного совещания и лакомящихся пахучими сочными ягодами! Он вообще очень любил неформальную обстановку. Ежедневно встречаясь с разными людьми, он любил коллективные беседы и дискуссии. В этот момент он словно включал мощный рубильник, который аккумулировал идеи. Причем действовал так, чтобы его личные идеи (например, установка памятника основателю города Татищеву, строительство Спасо-Преображенского собора, создание государственного университета, поддержка юных талантов, из которых позже родился известный Молодежный симфонический оркестр, и другие) становились общегородскими масштабными делами.

Он любил приходить на неформальные журналистские посиделки еще первого состава газеты с гордым названием «Площадь свободы». Тогда мы бурно обсуждали разные проекты. Некоторые из них, с его помощью и участием, реализовались. Например, создание муниципальной газеты «Ведомости», выставки архивных документов и живописных портретов исторических людей Ставрополя-Тольятти, ставших традиционными.

Сергей Федорович спокойно относился к критике в свой адрес. Посмеивался над полюбившейся КВНовской шуткой «о возможности прихлопывания мухи и бюрократа с помощью газеты». Ведь сам-то не боялся никакой газетной статьи. А завистников, готовых платить любые деньги за заказные материалы,

имелось много. Но в открытой и честной борьбе победить его было невозможно: его доводы были четкими, аргументы обоснованными, а личность — яркой и очень обаятельной.

«Что общего между мухой и бюрократом? Ответ: обоих можно прихлопнуть газетой»

Любимая КВНовская шутка С. Ф. Жилкина

Он работал и дружил с самыми разными людьми, блестяще владел искусством компромисса, умел слушать и слышать собеседника, понимать его аргументы и объединять силы для целесообразных и полезных городу дел. Соответственно, к его деятельной натуре тянулись тоже нестандартно мыслящие люди, умные, работающие, любящие город и желающие сделать его современным, успешным, радостным. Удивительно много было у него настоящих и преданных друзей, крепких профессионалов. Причем не только в Тольятти, но и в Москве, Петербурге, Самаре, даже за рубежом. Среди них были финансисты и скульпторы, экономисты и предприниматели, музыканты и политики, ученые и поэты. Он словно губка впитывал их идеи, успешно объединял общим делом, при этом никогда не выставлял напоказ авторство конкретных акций, фестивалей, проектов. Город при нем тоже был молодой, задорный, радостный.

Его убили по-садистски — бандитским шилом — наемные убийцы. Смерть первого мэра, а затем и ректора первого государственного Университета в городе. Его убили те, кто завидовал и ненавидел, имел животную жадность к власти и деньгам. Но помните о нем будут не только те, кто его знал и жил в Тольятти. Эта память переживет не одно поколение горожан. В подтверждение этому будут долго существовать в городе великолепный Собор, памятник Татищеву, государственный Университет, консерватория, созданная на базе его института

искусств, и другие его дела... В короткой заметке невозможно описать яркую, наполненную множеством позитивных городских событий, жизнь Сергея Федоровича. Но нынешний год — это год 275-летия нашего города, и было бы логичным, если бы появилась достойная книга о первом мэре, отдавшем этому городу 25 лет яркой публичной жизни. Пусть прозвучит пафосно, но он как погасшая звезда, еще долго будет давать свет...

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»
февраль 2012 г.*

«Клянусь честью и своей совестью»

История власти в Древней Греции связана с двумя словами — «полис» (город) и «политика» (искусство управлять). Эти понятия шли рядом. В нашем Ставрополе так же логично переплелись судьбы города и общества, то есть его людей.

Предыстория власти в Ставрополе

Первые почти сто лет с момента основания наш город представлял собою военную пограничную крепость. На востоке и юге от города на двести-триста верст находились земли ханств башкир, киргизов и калмыков. Постоянная готовность к отражению набегов кочевников требовала военного единоначалия — отсюда и должность коменданта Ставрополя. Первым был полковник Андрей Змеев, назначенный Василием Татищевым летом 1737 года. Одним из последних, уже при Екатерине Второй был майор Иван фон Фегзак. 20 января 1774 года при штурме крепости он был захвачен в плен восставшими пугачевцами и затем повешен у села Узюково. Императрица-самодержица насаждала в России казарменную дисциплину: появились бургомистры и градоначальники. О выборной демократии забыли, особенно после восстания Пугачева и революции во Франции. Лишь после победы над Наполеоном российский император Александр I начал возрождать русские исторические традиции, в том числе избрание гражданами местной власти. И когда в сентябре 1824 года Александр был проездом в Ставрополе (и даже заночевал в нем), он получил «хлеб-соль» из рук избранного головы города Александра Пантелеева.

Династия Пантелеевых и другие

Начиная с Александра Тимофеевича Пантелеева четыре

поколения этой семьи честно служили нашему городу. Особенно плодотворно руководил Ставрополем Сергей Пантелеев. При нем в городе появились новые улицы с каменными зданиями, новые пристани, школы. Пантелеевы увеличили сроки зимних и летних ярмарок, а во время навигации на Волге ставропольчане открывали более сотни магазинов и лавок.

Стоит вспомнить еще двух глав города конца XIX века. Один из них Степан Киселев создал первый городской общественный банк, организовал телеграфную связь с Самарой. Второй был талантливый финансист и инженер Венедикт Войнатовский. Он построил и оборудовал современнейшую для того времени типографию и стал первым редактором местной газеты «Средне-Волжское свободное слово».

Но не нужно идеализировать дореволюционное время. Архивы помнят немало негативных примеров, когда власть имущие и вообще власть преступали черту Закона. Правда, в те годы очень высоко ценились честь офицера, «купеческое слово», доверие земляков, выбиравших себе главу города. Вот как чеканно-торжественно звучали слова клятвы, которую давали при вступлении в должность главы земской или городской управы: «Клянусь честью и своей совестью быть верным и преданным Российскому государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови...».

Смерть на взлете

Словно злой рок судьбы был над Ставрополем семьдесят лет советской власти. Первого председателя горисполкома Василия Банькина убили свои же земляки-белогвардейцы в самом начале гражданской войны. Второй — Аркадий Соколов погиб в «поезде смерти» в Сибири, когда белочехи собрали в Самаре арестованных наиболее активных советских работников

и этапировали их в Сибирь. Большинство заключенных были расстреляны или погибли в дороге. В 20–40-е годы горисполком вообще упразднили, вновь он появился лишь в 1946 году.

18 апреля 1951 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ о преобразовании Ставрополя в город областного значения. Началось строительство ГЭС, перед затоплением необходимо было эвакуировать жителей. Первоначально планировали быстро построить новый городок на берегу нового водохранилища, для чего срубить вековые сосновые леса. Жестко и энергично выступил против этого принципиальный председатель горисполкома Андрей Мельников. Он инициативно «пробивал» другую планировку. Лес он тогда спас, но должность потерял...

Кстати, после смерти Сталина партийно-советская система не пошатнулась, наоборот, стала еще изощреннее. Инициативы жестко пресекались, самостоятельно думающих людей тут же убирали, искали более покладистых исполнителей. Печальными примерами являются судьбы двух последующих председателей горисполкома — фронтовиков-строителей Александра Паренского и Семена Потапова. Первый стал председателем в середине пятидесятых годов и сразу завоевал авторитет среди ставропольчан. Куйбышевский обком партии ревниво относился и не любил самостоятельного руководителя. И его иезуитски сначала ... избрали первым секретарем горкома партии, а затем с треском сняли с должности. Вместе с председателем горисполкома Потаповым.

Следующим стал Василий Прасолов. Увы, по мнению куйбышевских партийных руководителей, он стал уж слишком популярным среди тольяттинцев (к тому времени город переименовали). Сначала его решили потихонечку убрать — в школу КГБ. Но в 48-страничной анкете бдительные чекисты нашли родственника, репрессированного по известной статье «враг

народа». Затем безуспешно планировали отправить учиться в партийную школу. Но он не соглашался покинуть город, вернулся к профессии строителя.

Еще один яркий след в истории оставил председатель горисполкома Борис Кашунин. В течение семи лет работы он заражал земляков оптимизмом и патриотизмом. И вновь началась борьба амбиций: кто же хозяин города — горком или горсовет? Интриги вокруг Кашунина велись искусные, более того, обещали повышение. Но он только отмахивался от «доброжелателей». Когда неожиданно погиб в автомобильной аварии в 1978 году, его провожали в последний путь тысячи горожан. Поистине море людей не смогла вместить самая большая Центральная площадь города. Многие искренне не могли сдержать слез...

Трагические судьбы первого и последнего председателей горисполкома

... Его карьера началась стремительно. Тридцатилетний фельдшер Ставропольской уездной больницы Василий Баныкин был избран первым председателем горисполкома 18 февраля 1918 года. А уже спустя четыре (!) дня — председателем уисполкома (уездного исполкома). 3 марта его утверждают председателем Совета народных комиссаров. Еще через три с половиной месяца, 15 июня, его убили на окраине Ставрополя однопартийцы — эсеры Краснов, Маслов и Буянов.

... В 1933 году Ставропольский сельсовет (статус города тогда был упразднен) принял решение о переименовании улицы Казанская в честь Василия Баныкина. Кстати, могила его находилась не на кладбище, а на улице Полевой — на той же окраине Ставрополя, где его схватили убийцы. В самом начале 1934 года в сельсовете появился донос вдовы второго после Баныкина председателя горисполкома Аркадия Соловьева.

Гражданка возмущалась переименованием улицы, предлагала новое название — «Красногвардейская», обвинив Баныкина в предательстве дела Советов! Специальная комиссия сельсовета провела детальное расследование, задокументировала воспоминания очевидцев событий восемнадцатого года. Имя героя советской власти было реабилитировано. Но собранные факты одновременно свидетельствовали о, мягко говоря, жестком характере первого председателя и его политических зигзагах. Сначала он был эсером, поддерживал Временное правительство. Потом стал левоэсером, подружился с самарскими анархистами и большевиками, с их помощью организовал городской Совет рабочих, а в противовес созданной милиции — отряд Красной гвардии. Советы в Ставрополе победили лишь спустя четыре месяца после Октябрьской революции. Но они были левоэсеровскими, жестко антиленинскими! Баныкин постоянно критиковал на митингах и на страницах газет вождя пролетариата. Одновременно разгромил не только создавших местную милицию эсеров, но и вчерашних союзников — анархистов. А затем разоружил сызранских продотрядовцев, которые согласно указанию Ленина хотели организовать хлебопоставки в голодающую Москву...

История не имеет сослагательного наклонения. Но если бы он не погиб в восемнадцатом, за такие дела его расстреляли бы чуть позже коммунисты. И уж точно Баныкин погиб бы во время репрессий 1932–1934 годов или в 1937 году. Тогда в сталинских «зачистках» погибли два поколения партийно-советских работников Ставрополя ... Кстати, в ходе этих чисток услужливые историки сфальсифицировали события восемнадцатого года. Поэтому в 1954 году, при перезахоронении останков Баныкина, официальные ораторы на митинге говорили уже о первом председателе горисполкома как о несгибаемом большевике и настоящем ленинце. Напомним, что сейчас его могила

находится рядом с визитной карточкой Тольятти — памятником Василию Татищеву.

Николай Уткин стал последним в истории города главой администрации Тольятти в 1992 году. До этого он 25 лет работал на разных должностях, постепенно приобретая опыт руководства. Приехал в город восемнадцатилетним пареньком, стал бетонщиком, плотником, затем бригадиром. Закончил вечернее отделение местного политеха и вырос до прораба. Затем был первый резкий карьерный скачок — его пригласили на номенклатурную должность инструктора горкома партии. Он быстро проходил все ступеньки роста. Следующий этап — заместитель генерального директора завода «Трансформатор», возвращение в горком, но уже заведующим отделом строительства. И, наконец, в 1989–1991 годах занимал должность заместителя председателя горисполкома, первого заместителя главы администрации Тольятти. Многие отмечали, что Николай Дмитриевич прекрасно ориентировался в строительстве, досконально знал экономику и хозяйство города, успешно разбирался в сложных проблемах горожан.

... И вдруг произошло событие, о котором второй Президент России афористично сказал: «Кто легко воспринял крах СССР, не имел ни сердца, ни совести». В это трудное и сложное время Уткин взял на себя тяжесть руководства городом. Тогда же ярко вспыхнула звезда тридцатидвухлетнего главы Автозаводского района Сергея Жилкина. Не стоит лукавить, Уткин слегка ревновал явного лидера. Но Николай Дмитриевич мудро не мешал ему проводить рискованные революционные эксперименты. Более того, по праву старшего, он деликатно помогал молодому руководителю.

В рамках этих заметок не планируется рассказывать хронике появления у нас новомодного звания «мэр», не будет и истории борьбы за эту должность в Тольятти. Но очень уместно

напомнить о двух эпизодах в жизни этих людей. Когда Уткин проиграл Жилкину в борьбе за должность мэра, многие «доброжелатели и друзья» опасались приглашать проигравшего на работу. Но сам Жилкин предложил Уткину должность первого заместителя мэра. И абсолютно доверял ему.

Спустя почти десять лет Сергей Федорович смело и открыто дал объективную оценку и оказал моральную поддержку ставшему мэром Уткину в большой и скандальной проблеме, когда новые «прихватизаторы» спорных земель несколько лет раскручивали «земельное дело», а затем и «дело о взятках». Эта история превратилась в личную трагедию Николая Дмитриевича. В ней круто намешано очень многое: вероломство врагов, предательство соратников, трусость власть имущих, практически подставивших второго в истории города мэра. Не обошлось и без тонкой деятельности спецслужб. Итог печален. Остается надеяться на терпение и мужество самого Уткина. А еще и на то, что тайное всегда рано или поздно становится явным. Кстати, все годы заключения он ведет себя достойно. Его друг по комсомольской юности Народный учитель России Владимир Коняхин (ему удалось встретиться в самые сложные годы Николая Дмитриевича в зоне) рассказал как уважительно относились к Уткину не только все заключенные (а это очень разные люди), но и персонал колонии. Его чаще называли не по имени-отчеству, а «батей» или «отцом». Оценка, скажу, высокая!

История расставит все на свои места, как сейчас

Уткин Н. Д.

восстановили правду о жизни и смерти первого председателя горисполкома Василия Банькина, как заняла в ней достойное место яркая, позитивная, многогранная деятельность первого мэра Тольятти Сергея Жилкина.

Ну а завершить эти заметки хочу метафорическим толкованием слова «человек» как «чело» и «век». Человек — это разум, вмещающий всю историю предков. Пока есть на земле жизнь, есть и человеческий разум, который чтит историю предков и живет ради потомков. Эту истину надо понять, осмыслить всем. Особенно тем, кто сегодня планирует взять на себя ответственность за город, то есть кандидатам на должность нового мэра.

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»*

Интернационалист Пахута и спартаец Дьячков

Интернационалист — человек, который проповедует солидарность людей различных наций и рас, их взаимопонимание и общие ценности культур, технологий.

Спартаец — мужественный человек, закаляющий себя в лишениях и трудностях, целеустремленный, преданный своей Родине и своей идее.

Новейший энциклопедический словарь России. Москва, 2010

С ними я познакомился еще более сорока лет назад. С Леонидом Пахутой я тогда входил в состав вазовского комитета ВЛКСМ. Во время первого многотысячекилометрового мотопробега «Тольятти — Западная Украина» мы как-то быстро подружились, у нас были (и остаются!) общие интересы. Широкий круг! От интернационального клуба «Гренада» и «Жигулевские кругосветки» до фестивалей политической песни,

КВН, конкурсов ВИА и Грушинского фестиваля. Уже не говоря о традиционных субботниках-воскресниках по озеленению парков Автограда, строительство Дворца спорта.

В те же годы, тоже еще молодым, но уже прикованный смертельным недугом, молодой поэт и начинающий социолог Сергей Дьячков стал моим соратником по журналистике. В последние четверть века он издал несколько поэтических сборников, написал сотни публицистических статей и социально-политических очерков. А еще — две пронзительно-обжигающих по накалу книги о жизни на переломе XX–XXI веков в России и Тольятти.

... Пахута остается своеобразным мощным двигателем, который постоянно аккумулирует идеи и коллективный энтузиазм. Он щедро дарил и продолжает давать самое дорогое в жизни человека — общение и любовь к Человеку. Вот его емкая философия интернационалиста и его такая же емкая характеристика Дьячкову:

«Человек» приходит на землю свободным, равным. Судьба дарит одним — одно, другим — другое. Дурак, кто спорит против судьбы, и дурак тот, кто не воспользуется даром судьбы. У такого друга, как Дьячков, я хотел бы быть даже не только первым-пятым, но и десятым по счету другом. Чтобы он когда-нибудь сказал: вот тут какой-то Пахута попытался меня догнать... В историю я войду, потому что об этом вскользь упомянет любимый мой, уважаемый человек, мой друг Сергей Дьячков...»

... За минувшие десятилетия Леонид практически не изменился. Да, он стал мудрым и седым. Но его сердце до сих пор бьется в комсомольском ритме. Он прошел большой путь, но по-прежнему остается верен своим идеалам юности. Трудно переоценить сделанное Пахутой для создания интересной, творческой и интернациональной молодежной атмосферы Автограда, да и вообще Тольятти. Во многом благодаря ему наш

многонациональный город не впал в безумство межнациональных дразг, Автоград достойно прошел беспокойные годы развала Союза и во время возмужания и укрепления обновленной России.

... Горожане хорошо знают и ценят вклад Дьяčkова в создание нетерпимости против неправды и несправедливости. Сергей продолжает яростную и жесткую критику «власть имущих» Тольятти. Его кристальная честность и принципиальность помогли уничтожить буквально хирургическими способами гнойные нарывы политиканства и лжи. Моя, естественно субъективная оценка, что Сергей порой «заносит на поворотах» критичности по отношению к конкретным известным людям города. Но тольяттинцы с одобрением приняли решение ГорДумы в свое время о присвоении ему звания «Почетный гражданин города». Кстати, тогда одним из активных поддерживающих это решение был председатель комиссии по подготовке очередных кандидатов на звание Леонид Пахута. Думаю, что наступает время городскому обществу и горожанам оценить работу во благо города и самого Пахуту. Ведь за тридцать с лишним лет он сделал много яркого, значимого и масштабного — особенно в сфере культуры и искусства. А самое главное — создание тольяттинского менталитета.

Краснова И. А.

Булюкина Н. В.

Первопроходцы библиотечного дела в Ставрополе-Тольятти XVIII–XXI веков

Войдя в Евросоюз, Финляндия мудро и жестко отстояла свою систему здравоохранения, просвещения и ... библиотечного (!) дела. А надо напомнить, что Финляндское княжество входило в состав Российской империи ещё в XVIII веке и с одобрением взяла российскую систему лечения, учительства и библиотечного обслуживания людей в конце XIX века. Европарламент в XXI веке не смог заставить финнов ввести пресловутый стандарт ЕГЭ, не перейти на новую систему обучения — финны до сих пор учат детей по системе гимназий и школ тогдашней России. Как впрочем как раньше работают по старым лекалам библиотечного обслуживания. Кстати, до сих пор никто в мире не смог достичь показателей книговыдачи и количества читателей в Финляндии...

В нашем городе (тогда ещё Ставрополе) в 1795–1797 годах служил стряпчем (судебным чиновником) литератор и

библиофил Иван Второв. За три года он систематизировал библиотечные фонды ставропольских школ. В 1891 году в городе была открыта первая городская библиотека, а 1894 году по предложению городской головы Сергея Киселёва была устроена бесплатная читальня-библиотека. Ставропольчане, по подписке собрали 254 рубля и 35 копеек — так появился фонд в несколько сотен книг. Более того, городская Дума ввела в бюджет строку на ежегодное пополнение книжного фонда.

... В конце XIX века в России бурно развивалась система фабрично-заводских и крестьянских общественных библиотек. Кстати, первые русские социал-демократы «окучивали» с помощью марксистов пролетариат, а социал-революционеры (народники, а потом эсеры) активно работали по созданию крестьянских читальней. С первых лет Советской власти стала строиться система библиотечного обслуживания и в 60-х годах XX века СССР справедливо считалось самой читающей страной в мире.

В 1951 году (на кануне переселения на новое место) в Ставрополе действовало три (кроме специальных) библиотеки. В 1962 году открылась Центральная городская библиотека на ул. Мира, 84. В 1965 году фонд 5 городских, одной поселковой, 2 детских, 12 производственных, 23 школьных и 12 общественных насчитывали более 400 тысяч экземпляров книг!

С первого класса я практически ежедневно проводил по несколько часов в библиотеке — поначалу на улице Советская, а потом на улице Мира, 84. Мне повезло, что у меня появился прекрасный учитель, высочайший профессионал библиотечного дела. Фрида Исаевна Занан была знакома с моими родителями. Семьи Камкиных и Ивановых подружились ещё в начале пятидесятых годов. Практически они породнились — их крепкая дружба цементировалась какой-то удивительной кристальной честностью во всём, интеллигентностью, общим мировоззрением.

Фрида Исаевна аккуратно, без нажима, руководила моим мировоззрением читателя. Она учила вдумчиво читать, специально подбирала авторов и их лучшие произведения. Она умела заинтриговать юного подростка сюжетом, рассказывала о том, как создавался труд над конкретной книгой. Благодаря ее урокам и помощи я сформировался не только самостоятельной личностью, а затем и журналистом.

В 1967 году в Тольятти появилась профсоюзная библиотека ВАЗа.

В 1969 году, в типовой «пятиэтажке» на улице Победы, 28 первый этаж был отдан под маленькую типографию строящегося ВАЗа. Последующие этажи заполнились кабинетами различных служб завода.

А вот в самом верху — на пятом этаже постоянно приносили (а потом отвозили) тяжеленные посылки с книгами. Это были подарки с книгами от библиотек всех 16 автомобильных заводов СССР. На этом этаже разместилась библиотека, профсоюза ВАЗа, точнее ее главный штаб молодой заведующей — Ирины Красновой.

Ирина Краснова была не просто подвижницей и энтузиасткой в своей профессии — она стала поистине первопроходцем в создании комплексной и эффективной системы библиотек не только стационарных и в общежитиях, но и прямо на самом автозаводе.

В конце XX века эстафету первопроходца она передала молодому директору Автограда Надежде Булюкиной. В непростые

Занан Ф. И.

девяностые годы (уже казалась, что русская культура, в том числе библиотечного дела погибает) она проанализировала опыт и практику библиотек западной Европы, выбрала оптимальный вариант работы и с помощью специалистов-коллег из Италии организовала переход на электронно-компьютерное обслуживание библиотек. В конце прошлого года, проработав почти тридцать лет, она покинула свою любимую библиотеку, теперь она руководитель департамента культуры Мэри Тольятти.

Сегодня в библиотеках Автограда, в том числе в библиотеках на территории завода, работают более ста пятидесяти классных библиотекарей. Книжный фонд составляет более полумиллиона книг. Регулярно приходящих читателей — свыше 60 тысяч, т.е. каждый десятый житель района пользуется услугами МБУК «Библиотека Автограда».

И еще немного любопытной статистики, уже в масштабах Тольятти. Сегодня в городе работают более трехсот профессиональных библиотекарей. Общий книжный фонд — свыше трёх миллионов экземпляров книг. Активно работают не только муниципальные и почти сто школьных библиотек. К ним стоит приплюсовать более пятидесяти библиотек средне-технических и высших учебных учреждений, плюс десять библиотек в научных учреждениях, на предприятиях и в организациях.

Конечно, у нас в Тольятти ещё не достигли финских показателей книговыдачи. Но в масштабах страны библиотечное дело в нашем городе является одним из лучших в России!

Этот текст был подготовлен специально для нового директора Библиотеки Автограда Светланы Николаевны Пavidис в дни проведения семинара сотрудников «Библиотеки Автограда».

18.12.2012 г

От «Свободного слова» до «Вольного города».

Хроники журналистики нашего города

Как все начиналось

16 (27) декабря 1702 года Петр Первый издал Указ о создании первой в России печатной газеты «Ведомости». Спустя почти двести лет, в конце XIX века, в нашем маленьком уездном городке появилась собственная газета. Её название было ярким, почти революционным — «Ставропольско-Волжское свободное слово».

Первым редактором стал Венедикт Михайлович Войнатовский. Он же одновременно являлся владельцем новой типографии и ... выбранным главой («головой») города. В ходе реформ эту должность попытались назвать по-французски — «мэр», но русская общественность нововведение не признала.

Газета оказалась востребованной горожанами. «Свободное слово» (так сокращенно называли её) выходило регулярно и по подписке. Тираж — свыше тысячи экземпляров. Но во время навигации на Волге, ярмарок и по праздникам тираж удваивался. Благодаря круглосуточно работавшему телеграфу новости из Самары и даже Петербурга ставропольчане узнавали уже в утреннем выпуске любимейшей местной газеты.

Новое и очень бурное время началось с приходом власти Советов. Кстати, в Ставрополе они победили лишь спустя четыре месяца после Октября семнадцатого — в январе 1918 года. Тогда же первый председатель уездного исполкома Григорий Карелин по традиции одновременно стал редактором новой

газеты — «Советское дело». Всего через месяц молодой, амбициозный, прекрасно владеющий пером и искусством оратора Василий Банькин становится председателем ставропольского горисполкома, а затем ставропольского уездного исполкома и, соответственно, редактором ставропольской газеты. Между прочим, он никогда не был большевиком (как сейчас сказали бы, членом партии власти), числился левым эсером. Это спустя сорок лет после его гибели коммунистические идеологи дезинформировали историков, которые начали лепить образ Банькина-ленинца. Но сохранились долгое время находившиеся по грифам «секретно» стенограммы губернского и уездного Советов. В них, а также в газетных статьях того времени видится совершенно другой облик. Кстати, тогда он сразу организовал новую газету — «Ставропольская беднота». На её страницах он громил и обличал Ленина за «похабный Брестский мир», за политическую гегемонию большевиков.

В июне 1918 года Ленин и Троцкий спровоцировали левых эсеров и отлично вооруженных чехословаков, рвавшихся в бой с немцами, на полномасштабную гражданскую войну. Белогвардейцы с помощью чехов быстро овладели Самарой. 15 июня войска Красной армии покинули Ставрополь. Последним уходил В. Банькин, уже на окраине он погиб от выстрела в спину, от своего же ставропольчанина.

Быстро окрепшая и вооруженная классово-ненавистью Красная Армия за четыре месяца освободила всё Поволжье от истоков до Астрахани. 8 октября в наш город вернулись советы. И сразу же была возрождена газета «Ставропольская беднота», которую возглавил Лев Попов, а затем комиссар Ингельберг. В марте следующего года появилось новое издание «Ставропольский коммунарь», которое всего несколько дней редактировал Иосиф Овадис.

В начале марта 1919 года в северной части Самарской

Луки началось мощное антикоммунистическое восстание. Наш Ставрополь на три дня стал столицей повстанцев. Кстати, в истории нашего города были и трехдневный штurm пугачевцев с трехчасовым пребыванием в городе 20 января 1774 года, и попытка более двухсот эсеров-боевиков захватить уездный центр 21 июля 1906 года, но тогда, увы, хорошо сработала полиция и напавших встретили жандармы и казаки... А 8–10 марта 1919 года ставропольчане смогли прочесть два номера новой газеты «Известия Ставропольского исполкома»; третий номер не смогли напечатать, выпустили в виде листовки. Редактировал их Алексей Данилов, избранный повстанцами комендантом города. В своей первой редакционной статье Данилов писал: «Вы сильны сейчас желанием помереть, идя на борьбу с голыми руками против засилья темных личностей из партии коммунистов, но помните, что у вас есть ещё Советы — плоть и кровь ваша...». Восстание быстро и жестоко подавили пришедшие из Самары и Сызрани регулярные части Красной Армии, роты коммунистического рабочего полка, кавалеристы из сербов и венгров.

Перезагрузки. В тисках цензуры.

Сразу после подавления крестьянского восстания в городе начали издавать «Известия Ставропольского уисполкома и уездного комитета РКП (б)». Параллельно появилась абсолютно партийная газета «Коммунист». Но потом потихонечку ликвидировали газету Советов (слишком напоминала о трех днях жизни при «Советах без коммунистов»). Но закрыли и одноозного «Коммуниста». Начали печатать общую городскую газету «Коммунистический путь».

До революции в Ставрополе получали по подписке около

трех тысяч экземпляров газет: две тысячи местного «Свободного слова», несколько сотен губернских изданий и различных еженедельников из Петербурга и Москвы.

В 1921 году тираж получаемой ставропольчанами прессы увеличился в шесть раз! Количество подписных номеров городской газеты «Коммунистический путь» составил 1671 экз., губернской «Коммуны» — 3202 экз., центральных изданий — «Известия» 2291, «Правды» 2179, «Беднота» 1738, «Труд» 727 экземпляров.

Но вот начинается НЭП, резко ослабляется коммунистическая цензура. И уже в 1922 году (и целых десять лет!) вместо «Коммунистического пути» ставропольчане читают явно нейтральную «Жизнь деревни».

Увы, затем начинаются страшные тридцатые годы сталинизма. В 1931–1933 годы городская (!) газета выходит под жестким большевистским названием «За сплошную коллективизацию». Завершив успешную и кровавую кампанию раскулачивания, газету снова переименовывают, и двадцать лет выходит «Большевистская трибуна». После смерти Сталина и до начала краха СССР (1953–1991 гг.) почти сорок лет издается газета «За коммунизм».

С переносом города Ставрополя на новое место и бурным развитием строительной индустрии и промышленности появляются малотиражные газеты. Первым стал выходить «Гидростроитель», затем «Волжский машиностроитель», а потом появился целый букет малотиражек: «Домостроитель», «Химик», «Энергетик», «Советский каучук» и т.д. И специально для строителей Волжского автомобильного завода и первых его работников печатали региональную (малую) «Советскую Россию». А в августе 1969 года вышел первый номер «Волжского автостроителя».

В семидесятые годы общий тираж местной прессы

превысил сто тысяч экземпляров! Государственной цензуре пришлось ввести дополнительно к имеющейся единицу инспектора лито по городу (теперь уже Тольятти). В дни выхода малотиражных еженедельников приходилось литировать (контролировать) по десять, а потом и по двадцать разных выпусков газет. В Тольятти резко увеличилось количество профессиональных журналистов, не говоря уж о целой армии внештатников. И в 1973 году, несмотря на явное нежелание городского комитета КПСС и горотдела КГБ, родился тольяттинский клуб «Журналист».

В тисках «Золотого тельца»

В начале так называемой «перестройки» партийный контроль за прессой был ослаблен, а а потом цензуру вообще ликвидировали. На волне гласности и перестройки часть сотрудников городской газеты «За коммунизм» организовала новое издание «Площадь свободы». Оставшиеся «старые сотрудники» начали печатать явно консервативный «Новый день», который позже переименовали в «Тольятти сегодня». Новообразование проработало несколько лет.

В 1997 году появилась муниципальная газета «Городские ведомости». Сначала она издавалась как приложение в «Миллионе», потом в «Площади свободы», а затем «Ведомости» стали полностью самостоятельными.

После «Площади свободы» эстафету городской журналистики приняло сенсационно-криминальное издание «Тольяттинское обозрение». Появились новые газеты «Панорама Тольятти», «Университет», «Молодежный акцент», «Понедельник» и другие. Открывались партийные, корпоративные, банковские и просто сугубо частные газеты. Это было веселое, суматошно-сенсационное и одновременно циничное и смертельно жесткое

время.

Крупный капитал и криминал быстро начали ломать и подминать прессу. Не переломе веков открылся страшный мартиролог убитых журналистов. «Золотой телец» элементарно сожрал несколько популярных изданий, а другие просто стали стопроцентно рекламными и сменили хозяев, а значит не только учредителей, но и редакторов. Так, у творческого коллектива «Площадь свободы» право на издание перекупили самарские бизнесмены. Новый медиа-холдинг изменил вектор газеты, взяв главным ориентиром рекламу и заказные материалы. Со многих газетных страниц начали исчезать как жанры аналитика, очерк, расследование, не ангажированные глубокие интервью, публицистика...

Но все равно журналистика остается престижной. Сегодня «второй древнейшей профессией» занимается более трехсот газетчиков города. Прибавьте готовящихся стать ими такое же количество студентов местных журфаков. В Тольятти азам журналистики учаг в двух университетах, в академии управления и в десяти филиалах самарских, поволжских и столичных вузов. Было бы любопытным собрать и издать лучшие курсовые и дипломные работы будущих газетчиков. Уверен, что это будет яркая картина новейшей истории нашего города с разнообразными сюжетами.

Оптимистический пролог: Свободное слово вольного города.

Итог выборов в Государственную и губернскую Думы показал гражданскую зрелость и свободолюбивый характер Тольятти. Стоит гордиться нашим пролетарским городом! Гордиться городом инженеров, студентов, активных пенсионеров и ветеранов масштабных строек у Жигулей.

... Через два месяца — новые выборы. Кто будет очередным Президентом России, уже ясно. А вот кого тольяттинцы выберут мэром, это ещё неизвестно. И тут многое зависит от местной прессы, от того, насколько она будет объективной, принципиальной, честной, беспристрастной, правдивой — в общем, профессиональной. Будет ли весомым, авторитетным и нужным свободное слово вольного города. Так что 4 декабря был для тольяттинцев лишь прологом. Надеемся, что и 4 марта эпилог будет оптимистичным.

*Валерий Иванов
специально для «Вольного города»*

Товарищи по оружию: мои друзья-журналисты

К сожалению, сегодня эта профессия обесценивается: появилось слишком много поверхностности, гламурности, псевдосенсационности и самое главное — откровенной продажности «золотого тельца». Но в тоже время журналистская работа стала не только циничной, но и опасной! В 2005 году в России (за последние десять лет) киллерами были убиты более двухсот (!) главных редакторов и ярких репортеров. В гигантской стране пять процентов (более десяти человек!) погибли в нашем городе...

В Тольятти есть немало ярких мастеров пера и телерадиоэфира. Местные читатели и слушатели выделают 5–7 фамилий тольяттинских журналистов. Среди них есть дорогие для меня имена.

... В 1987 году я стал сотрудником газеты «Площадь Свободы». Поначалу сидел в рабочем кабинете вдвоем с уже известным тогда в городе журналистом Сергеем Русовым. Его диапазон был широк — от «горячих» новостей, социально-острых проблем до единоборств (бокса, каратэ, самбо и т.д.) В редакции появлялся буквально на несколько минут и тут же исчезал: за день он мог провести десяток встреч и мероприятий. Он показался мне слишком сухо-лаконичным. Первоначально мне было одиноко в кабинете и я напросился

Сергей Русов

в комнату, где работали тоже «золотые перья «ПС» — Ольга Березий и Игорь Елизаров.

Мы как-то быстро нашли общий язык. Елизаров словоохотливо рассказывал (а рассказчик был яркий!) о сложных ситуациях в «политическом олимпе Тольятти», давал четкие, иногда и едкие оценки событий в России.

Ольга, как и Русов, не по долгу сидела в редакционном кабинете — постоянно и по долгу уезжала на выставки, репетиции театров, концертов, встречалась с художниками, поэтами и другими творческими людьми города и гостями-интеллектуалами Тольятти. Но обязательно раз в неделю она организовывала «прием» своим сокабинетникам (как она шутила — «сокамерникам») — то есть Елизарову и вашему покорному слуге. Она привозила с собой нежнейше-жирную соленую селедку и я, с Игорем, смотрели, как она быстро и красиво готовила традиционное ее блюдо — «селедка под лимоном». Эти пиршества «на троих» шли полтора-два часа — тут уж мы наслаждались разговорами. Надо подчеркнуть, что рассказчик она была блестящий, но и самое главное — умела слушать, спокойно спорила, давала точные характеристики и яркие образы людей.

... Она была улыбчива, веселой и энергичной. Увы, Ольга быстро стореда в жестокой болезни. В конце прошлого года прошел уже традиционный творческий журналистский конкурс имени Ольги Березий.

Ольга Березий

Игорь Елизаров

Увы, сейчас уже нет и моего друга-«сокамерника» Игоря Елизарова. Он был блестящим журналистом-публицистом, политолог-аналитик, американист (защитил диссертацию по истории демократии в США). Губернатор Титов пригласил его работать в Самару. Когда появился наш «Вольный город», то он сразу начал сотрудничать с молодой газетой. У него было много планов...

Скоро будет 10 лет, как Сергей Русов держит штурвал своего корабля с гордым названием «Вольный город».

... Самое главное для каждого редактора — это создание сплоченного коллектива единомышленников. Но очень важно собрать вокруг редакции актив творческих авторов вне штата. Сегодня среди друзей и постоянных авторов публикаций «ВГ» есть немало ярких людей, понимающих и ценящих чистый русский язык с свободное правдивое слово. Сергей — один из активно пишущих редакторов. Он до сих пор (как только находит время?) занимается расследованиями запутанных жизненных ситуаций. Он помог десяткам, а то и сотням, людей нашего города!

... Наша еще мальчишеская дружба с Владимиром Холодом началась более полувека назад. Когда-то мы жили

Владимир Холод

по-соседству, в одном дворе, в маленьком квартале между улицами Маркса и Жилина, у площади Свободы. Владимир яростно «рубился» в хоккей, а потом «заболел» фотографией. Стал блестящим профессионалом. Любит природу, увлекается (и до сих пор!) подводной охотой. Он неоднократно был победителем творческих конкурсов. Его фотоработы украшают многие книги и альбомы о городе. Он уже на пен-

сии, но до сих пор его снимки востребованы, в том числе и на страницах «Вольного города».

Разножанровые и созданные в разной технике работы художника Виктора Минеева уже более двадцати лет известны не только тольяттинцам. Его сочная живопись, выразительная графика, смешные (а иногда и грустные) карикатуры и зарисовки регулярно появляются в вернисажах и на его персональных выставках. Он активно работает со столичными издательствами — за год

Виктор Минеев

иллюстрирует по несколько книг. Его основная работа остается в качестве художественного редактора «Вольного города».

Первопроходцы ТВ ВАЗа

Двадцать три года назад эта телекомпания начала вещание с маленького центра кабельного телевидения. Первыми ее слушателями были всего 317 абонентов Автограда. Сегодня в Тольятти компания насчитывает более ста тысяч абонентов, то есть местное ТВ смотрят практически все население полумиллионного Автозаводского района.

ВАЗ ТВ — активный сетевой партнер. Программы собственного производства компании можно смотреть на федеральных каналах «Звезда», «СТС», в губернских «Вестях-24», на канале «Домашний».

Профессиональное мастерство тележурналистов этого творческого коллектива отмечено на всероссийском и международном уровне. Программы вазовского телевидения являются постоянными лауреатами городских и региональных конкурсов.

Выпущен новый проект — интернет-телевизионный канал. Это современное направление ставит абсолютно новые задачи и расширяет горизонты творческой деятельности. Любой желающий из любой точки мира сможет увидеть в прямом эфире программы ТВ ВАЗа: имиджевые фильмы, ролики, лучшие архивные телепередачи. Это не просто увеличение информационного пространства через интернет-вещание, но это и новое укрепление брэнда «Лады», улучшение имиджа АвтоВАЗа и города Тольятти в целом.

Телезрители ТВ ВАЗа хорошо знают и любят телеведущих, обозревателей, репортеров. В кадре объектива иногда мелькают лица других сотрудников компании. А вот их первые лица, в том числе и родоначальники вазовского телевидения остаются «за кадром». Сегодня в этой книжечке я публикую фотографии действительно пионеров, поистине пассионариев-первопроходцев ТВ ВАЗа. Все они начали работать в компании с 1990 года.

*Лауэр И.В.,
генеральный директор ООО «Лада-Медиа»*

*Васянин С. Н.,
главный инженер
ООО «Лада-Медиа»*

*Дьяконов А. А.,
главный редактор
телерадиовещания
ОАО «АвтоВАЗ»*

Легенды и были Куньего Бора.

Мини-экскурс по истории и статистике

В этих заметках речь пойдет о древней и современной судьбе нашего красавца-леса. Русские первопроходцы начали осваивать местные края почти пятьсот лет назад. Первые рубленые из столетних сосен избы получили деревню по имени Куя — от слова «куна». Так тамошние тюркские народы называли зверька с ценным мехом — куницу.

Потом, по берегу Волги и ее протоку Кунья Воложка появилась деревня Кунеевка, а затем Федоровка. А вокруг — гигантский Куний Бор. Он протянулся на десятки верст, вплоть до села Ягодное. Площадь этого лесного массива исчислялась в более 60 тысяч гектаров.

После переноса города Ставрополя в 1952–53 годах оказались затопленными богатые луга, часть лесов. Ставропольский лесхоз (в него входили Ягодинское, Ставропольское и Федоровское лесничества) тогда «похудел» более чем на десять тысяч гектаров! К 60-м годам XX века общая территория бывшего Куньего Бора съезжилась уже до 16,5 тысяч гектаров. Основную нагрузку по оздоровлению атмосферы несли 8 тысяч гектаров леса, оказавшиеся в черте Тольятти, между Центральным и Автозаводским районами.

По данным Института экологии Волжского бассейна в конце XX века наш лес ежегодно выделял 38 тысяч тонн (!) кислорода, а главное — погашал 357 тысяч тонн пыли и более 50 тысяч тонн ядовитых выбросов сернистого и углекислого газов и окисей азота.

Еще 15–20 лет назад в нашем лесхозе ежегодно готовили 350–400 гектаров для саженцев сосны, берез и тополей. В последние десять лет это количество уменьшилось в 10 (!) раз. А

в последние три года высаживали всего 5–7 гектаров новых саженцев.

Потом остаток Куньего Бора получил последний смертельный удар. В засушливое лето запыливали десятки пожаров. Трое суток нерешительных, а точнее пассивных и недейственных решений руководства мэрии унесли более тысячи гектаров леса.

Даже если мы ежегодно начнем организовывать посадку хотя бы по 50 гектаров, то с учетом естественного отбора (от 25 до 35 процентов саженцев за первый год засыхают) нам необходимо восстанавливать погибший массив 50 лет! Да и саженцы теперь стоят баснословно, и их еще надо привезти издалека.

А ведь в середине XX века у каждого из трех лесничеств имелись собственные лесопитомники, работала уникальная шишкосушилка, которая обеспечивала практически всю Куйбышевскую область элитными семенами сосны. Кстати, тогда наш лесхоз назывался специальным семенным лесхозом...

По цене золота 999-й пробы

В былые времена, в январе начинался сезон сбора шишек со специальных участков столетних сосен. Опытные верхолазы поднимались на 15–25 метров к зеленой хвойной кроне деревьев. Они выбирали самые крупные смолистые серые шишки. Работа была опасной, но высокооплачиваемой — за два-три месяца можно заработать от тысячи рублей, в то время как месячный оклад инженера насчитывал 120–140 рублей.

Не буду утомлять описанием многоступенчатой технологии. Скажу, что из более тонны шишек после многочасовой термальной обработки появляются невесомые (по 0,5–0,7 миллиграмма) семена сосны. Литровая банка вмещает полкилограмма — более 60 тысяч семян! Ценность грамма ставропольского

семенного фонда была такова, что приравнивалась к грамму золота 999-й пробы!

Полвека назад, закончив восьмилетку, я начал учиться в «альма-матеры» лесоводов Поволжья — в Бузулукском лесотехникуме. На втором курсе, став совершеннолетним, получил паспорт и трудовую книжку — учился уже заочно, зато практически изучал искусство лесоводства. За два годы работы в Ставропольском спецлесхозе я успел поработать лесорубом на прополке плантаций лесопитомника, на посадке саженцев сосны, берез и тополей. Кстати, норма высадки маленьких 2-х летних сосенок с помощью «меча Колесова» колебалась (в зависимости от рельефа и плотности грунта) от 350 до 450 саженцев за рабочий день. За три недели сезона (без выходных) мы с напарником успевали высадить более семи тысяч будущих деревьев — это свыше гектара массива (10 тысяч квадратных метров).

К восемнадцати годам я узнал специфические профессиональные навыки лесовода и получил первую должность — итээровца (мастера лесных культур). Очень гордился, что мне доверили руководство большим хозяйством самого крупного в лесхозе лесопитомника. Мое разноплановое хозяйство состояло не только из плантаций, хранилищ-ледников, но шишко-сушильни, складов с главной ценностью лесхоза — семенного фонда. Мы отправляли в восемь областей и четыре автономные республики Поволжья элитные семена.

Получив диплом Бузулукского лесного техникума, одел вождеденную темно-синюю форму с зелеными петлицами с первой «звездочкой» и серебряными шевронами из перекрещенных дубовых веток на обшлагае служебного мундира. Трехлетний стаж, плюс диплом и новая должность легко помогли поступить в Ленинградскую Академию ордена Ленина имени Кирова.

Отправляя меня на учебу в Питер (в те годы Ленинград), наш главный лесничий Павел Андреевич Гончаров подарил мне толстенный редкий фолиант — «Справочник лесничего». Эта книга до сих пор находится на почетном месте в моей личной библиотеке. Надо отметить, что все эти годы Гончаров много времени уделял моей учебе, помогал и активно поддерживал в работе. Он поистине был влюблен в свою благородную профессию. И неоднократно имел награды (в том числе золотые и серебряные медали) ВДНХ. Он прекрасно знал историю отечественного и местного лесоводства. Мне особенно запомнились несколько эпизодов из жизни нашего Куньего Бора.

Дворянин Генко, эсер Баныкин и «Герой труда» Соболев

Более ста пятидесяти лет назад из глубины Азии начали надвигать в Поволжье шквалы сухоевеев. Тогда самарский лесовод-чиновник Николай Генко разработал масштабный план противодействия засухе. Он добился решения не только в масштабах самарского губернаторства, но и выделения целевого бюджета от царского правительства. Более пятнадцати лет (!) активно реализовывалась эта программа. В степной части Самарской Луки уже «разрешенные» лесные массивы Куньего Бора получили живительное второе дыхание.

Под личным руководством Генко были высажены более восьми тысяч гектаров лесополос вдоль дорог и поймах рек губернии. Такое же количество было высажено в местах бывших вырубок. Зеленый заслон встал на пути сухоевеев, климат стабилизирован почти на полвека! За свой труд Николай Генко был удостоен орденом и получил звание дворянина. Кстати, тогда же звание дворянина получил инспектор школ Симбирской губернии Илья Ульянов, отец будущего Ленина...

В начале XX века в Куньем Бору работал сначала объезчиком (лесником), а потом и смотрителем местного лесопитомника Василий Соболев. За самоотверженную работу по восстановлению Куньего Бора в 1936 году он получил звание «Герой труда». Тогда еще не было высшей традиционной награды «Героя Советского Союза» и «Героя социалистического труда». По положению, утвержденному ВЦСПС в 1921 году, это звание присваивалось по предоставлению рабочих собраний и по конкретным масштабам свершений. Тогда эти герои были редкими, цена той «звездочки» — высока, как и потом, в середине 30-х годов...

В начале 1967-го все готовились к 50-летию Великого Октября. Тогда я стал свидетелем любопытного разговора Гончарова с первым краеведом Ставрополя Александром Тураевым. Они давно знали друг друга, много говорили и откровенно оценивали то время. Тогда я впервые узнал, что Советская власть в Ставрополе победила спустя почти полгода после Октября, что к началу марта 1918 года большевиков в городе тогда вообще не было. Первый Совет, установивший новую власть, возглавил левый эсер Василий Банькин. И, самое главное, первым декретом стал декрет об экспроприации частной собственности на землю и о жесткой охране лесов. Был восстановлен царский закон института лесных объезчиков (лесников), организованы вооруженные дружины по охране Куньего Бора, которые жестко карали за самовольные порубки не только в рощах, но и в лесополосах.

Первый лесовод России — Василий Татищев

В начале XVIII века самым гениальным «птенцом Петра» был военный и дипломатический разведчик, а затем начальник всех казенных заводов Урала Василий Татищев. Многообразный талант этого человека колоссален. Он был первопроходцем

отечественной истории, разработал методику профессиональной педагогики, основы палеонтологии, минералогии, экономической философии и так далее. Не говоря уже о строительстве под его руководством Перми, Екатеринбургa, Орска, Оренбургa.

Будучи на Урале, он первым разработал научно-практическую методику эксплуатации лесных угодьев (таксацию), подготовил правила лесовосстановления, написал большой историко-географический труд, в котором детально описал леса Великороссийской империи.

В 1737 году он не просто выбрал очень удачное место для города-крепости Ставрополя, но и тщательно подготовил инструкцию по разработке делянок рубки деловых сосен (по стандартным размерам). За зиму с делянок срубили и спилили шестиметровые сосны для бревен. И за весну-лето была выстроена компактная крепость с артиллерийскими фортами, казармами, складами, просторными зданиями для начальника гарнизона и калмыцкой княжны Анны.

Кстати, не дай Бог, чтобы хотя бы одно дерево было срублено в верстовой (почти два километра) черте у берега Волги или Куньей Воложки. Еще со времен азовских походов Петра Первого за срубленное у реки дерево тут же казнили независимо от чина!

В тот же год Татищев подготовил красочную карту Самарской Луки (он был профессиональным топографом и геодезистом!), описал окрестности Жигулей, особое внимание уделив Куньему Бору. Тогда в его чащах обитали не только лоси, но и косули, кабаны, волки, куницы и даже медведи...

Во время работы военным разведчиком и дипломатом Василий Никитич, сам отличный плотник и токарь по дереву, неоднократно находился в командировках в Пруссии, Польше, Финляндии и Швеции. Он видел, как бережно относились

тамошние власти к эксплуатации лесных богатств. Он постоянно подчеркивал необходимость строительства мощных лесопилок, неоднократно говорил Петру Первому: «Государь, не гоже гнать за рубеж лес в виде «кругляка»!»

Кстати, более десяти лет президентства Владимира Путина так и не смогли переломить ситуацию, когда девяносто процентов нашего лесного экспорта состоит именно из такого «кругляка», то есть из первичного древесного материала. Наша маленькая соседняя Финляндия заготавливает в 50 раз меньше древесины, но процент делового выхода (в виде качественной бумаги, картона, мебели и полуфабрикатов) там в 10 раз больше, чем в России!

Конечно, наш президент болеет за многие проблемы, в том числе и по вопросам лесовосстановления, хищнического браконьерства леса китайцами с помощью продажных чиновников и отечественных бизнесменов. У них давно уже развилась раковая опухоль наживы, точнее, у них прогрессирует засуха совести...

Засуха совести

В августе прошлого года на страницах «Вольного города» был опубликован пронзительный фенологический очерк нашего традиционного автора — пасечника Евгения Герасимова «Засуха. Год четвертый». Регулярно читающий «Вольный город» тольяттинец тогда ужаснулся прогнозу на будущее нашего города.

Но вот еще семь лет назад тольяттинский ученый, профессор института экологии Волжского бассейна Эрланд Коломыц опубликовал свою разработку модели глобальных природных изменений в Поволжье. По его прогнозу (а в последние годы он стал реален!) в ближайшее десятилетие в центре Поволжья

степь подвинет леса. Часть из 2600 рек и речушек, впадающих в Волгу, пересохнет. Уже к 2010 году могут начаться проблемы с выращиванием сельхозкультур. Уменьшение растительного покрова и увеличение выбросов в атмосферу углекислого газа неизбежно ускорят процесс появления засухи, лесных пожаров, умирания лесополос и даже лесных массивов. Если уже сегодня не начать противодействовать этим процессам, то сдвиг климатических зон в нашем регионе станет необратимым...»

Слабые и робкие стенания по плану нашего леса со стороны общественности города, в первую очередь, со стороны городской думы и мэрии реализуются непрофессиональными акциями восстановления погибшего от пожара леса. Один лишь яркий пример с высадкой саженцев кедра чего стоит, не говоря уж о микроскопических посадках насаждений в год!

Надо четко понять, что для спасения нашего леса необходимо ежегодно высаживать не 10–15 гектаров новых насаждений, а по 150–200 гектаров! Естественно, что необходимо окончательно и жестко запретить строительство коттеджей и других зданий в водоохранной зоне у берега Жигулевского моря, на опушках тольяттинского лесничества у черты города, особенно в Центральном районе.

За четверть века мы потеряли не только государственные лесопитомники нашего лесхоза, но и угробили мощное СУ озеленение ВАЗа. Прибавьте потери цехов озеленения при химических заводах Тольятти. За последние годы практически прекратилось высаживание новых лесополос вдоль федеральных и губернских автотрасс. У нашего города уже нет сил даже для быстрого восстановления имевшейся лесополосы на Южном шоссе.

Погоня за быстрой прибылью отеснила мощную государственную собственность, которая практически стала частной. Как итог — наступила «минимизация» расходов на поддержку

зеленых насаждений не только в парках и скверах, но и на территориях промкомзоны, на территории заводов, в том числе и на ВАЗе.

Увы, остатки совести у новоявленных капиталистов России давным-давно засохли! Но почему же у капиталистической Скандинавии так лелеют леса и парки? Почему в Европе уже более ста лет (то есть уже при промышленном капитализме) традиционно действует формула: срубил для своих нужд дерево — посади десять, а потом еще десять лет ухаживай, подсаживай новые?! Выходит, у тамошних нуворишей совесть не засохла?

Надо постоянно напоминать, что остатки Куньего Бора являются не только собственностью города и даже не только собственностью всей современной России. Это — будущее и собственность наших внуков и правнуков, это коллективная собственность потомков!

Риторический вопрос: что мы оставим следующим поколениям? Неужели только неухоженные пепелища и засохшие столетние сосновые рощи и вековые дубравы?

У нас нет альтернативы: или мы впустим в нашу лесостепь горячие суховеи, и у нас через десятилетия будет ковыльная степь, а может даже полупустыня, или мы энергично возьмемся за восстановление леса, чтобы дать «второе дыхание» некогда мощному Куньему Бору...

*Валерий ИВАНОВ,
специально для «Вольного города»*

Яков Иванов, его сыновья и внук Владимир

После отмены крепостного права в 1861 году была проведена земельная реформа — десятки тысяч безземельных крестьян поехали на новые, пустующие черноземные степи Оренбургской губернии. Среди поселенцев был и хлебороб бесфамильного сына Сидора — Иван. Как и другие, он быстро построил саманную (глиняную) хату, получил «подъемные» деньги от правительства для приобретения коровы, лошади, инвентаря, хлеба и семенного зерна для первого урожая.

Маленькая молодая деревенька между Бузулуком и Бузулусланом стала называться Безводовкой. Ее жители были предприимчивые и упорные в работе. За год они не только построили дома, хлева, амбары, кузницу, — они вырыли глубокие колодцы, построили плотину (нашли ручьи!) и у них появился большой пруд и маленькая, пусть в ширину полтора

метра, речка...

В 1881 году, при всероссийской переписи населения тогдашней Империи, бывшие крепостные получили новые паспорта. Так в нашем роду у Ивана Сидоровича появилась фамилия Иванов.

У свободного гражданина России Иванова родился сын — Яков Иванович Иванов. Он вырос высоким, смышленным и красивым парнем. Когда пришел срок служить в армии, то его тут же направили в слитный гвардейский Семеновский полк. Более того, Яков отлично закончил полковую школу, стал унтер-офицером и частенько дежурил в карауле Зимнего дворца. За годы службы он накопил внушительную сумму и смог построить большой бревенчатый пятистенный дом в Безводовке, причем его крыша была закрыта железом.

После службы в Петербурге Яков зажил счастливой жизнью хлебороба — родились три сына: Илларион, Василий и Сергей. Грянула империалистическая первая мировая война. Наш прадед храбро воевал и после революции был избран солдатским Советом на должность командира роты. Во время войны с белополяками он погиб в 1920 году. Его жена — Варвара Никитична (благодаря пенсионному аттестату командира РККА) смогла дать образование старшим двум сыновьям, а младшего — Сергея рано женила на работящей девушке Татьяне из соседней деревни. У них сразу, погодками, появились дети — Владимир, Александр и Антонина.

*Варвара Никитична
Иванова с младшим
сыном Сергеем*

Наш дедушка — Сергей Яковлевич Иванов, как рассказывала наша бабушка, скоропечно умер, надорвав здоровье на работе — хозяйство у Варвары Никитичны было большое, но бабтраков не было — все приходилось тащить молодому хозяину. Наша прабабка была сурова — ее побаивались не только дети и невестки, но и все деревенские мужики, а уж у женщин Безводовки она имела жесткий авторитет. После смерти младшего сына Сергея Варвара Никитична приказала старшим: давайте поочередно кормите и учите вашего племянника, — учите больше, чем своих детей!

*Курсант Иванов
Владимир Сергеевич*

Вот так наш отец — Владимир Сергеевич Иванов учился в лучших школах Оренбурга до 9-го класса. Впереди у него — аттестат и обязательно институт! Но началась Великая Отечественная война. Родные дядьки сразу пошли (а они были командиры в запасе) на фронт. Первый из них — Илларион — служил дивизионным ветеринаром, артиллерия тогда в основном была на лошадиной тяге. В страшной Сталинградской битве он был тяжело ранен, лечился и вновь возвращался в бой. Потом сразу попал под Курск. Его опять (уже практически смертельно) ранили — он горел в самоходной арт-установке. Второй из дядек — Василий — всю войну прошел на «Катюше».

Маленькая деревенька Безводовка враз омолодела. Остались лишь женщины, дети, да старики. Из 35 мужчин деревни 15 погибли в Отечественной, оставшиеся десять, дожившие до Победы, имели по два-три, а то и пять (!) ранений. В те военные

года девятиклассник, который стал нашим с братом отцом — Владимир Сергеевич Ивнов — вынужден был прервать учебу. Он был в колхозе «Украинка» в Безводовке одновременно счетоводом и бухгалтером. Как и положено, став 18-летним, он пошел в армию. За девять месяцев (учили по 18 часов) постиг трехлетний курс командира минометного взвода. В 1944 году юный лейтенант уже воевал в Восточной Пруссии. Ранен на подступах Кенигсберга (Калининграда). Уже в госпитале ему вручили орден «Красной Звезды» и медаль «За взятие Кенигсберга».

После войны он служил в военкомате, в вечерней школе закончил десятилетку. У него появились два сына — мой старший брат и сам я. И жил бы наш отец спокойно, служба в военкомате была не трудная. Но он постоянно мечтал (видимо бурлили гены его деда Якова) быть строителем, причем первопроходцем, постигать новое, интересное.

В 1959-м году в Ставропольском филиале Куйбышевского политеха была сформирована любопытная группа из студентов-вечерников факультета промышленно-гражданского строительства. Это были уже 40–50-летние мужики-фронтовики. Среди них, в основном, преобладали руководители среднего и высшего звена «Куйбышевгидростроя», партийно-советские и хозяйственные руководители. Житейского и руководящего опыта у них было много, но вот современных знаний, статуса дипломированного инженера не хватало. Среди этих студентов-«переростков» был и наш отец. Поначалу этим студентам было трудно, но уже к третьему курсу в институте не могли нарадоваться этим «переросткам» — дисциплинированные, быстро схватывали суть знаний, яростно «грызли гранит науки».

В 1963-м году наш папа отлично защитил диплом инженера-строителя и вскоре получил направление по новой профессии, на его погонах (вместо общеармейских) появились

*Полковник Иванов
Владимир Сергеевич*

эмблемы военного строителя. Первое направление новой службы — малоизвестный и засекреченный поселок Шиханы под Саратовом. В те годы во Вьетнаме американская военщина резервнула не просто военные масштабные действия, но и стала массово использовать (между прочим запрещенное ООН) химическое оружие. Американцы уничтожили сотни тысяч гектаров джунглей, умертвили тысячи вьетнамцев этой химией. Советские Вооруженные Силы были вынуждены быстро и жестко подготовить «наш ответ Пентагону». За два года в малоизвестных Шиханах военные строители создали секретный научный центр и полигон химических войск СССР. Реакция США тогда была молниеносной — американцы свернули свою химическую войну, а затем и вообще ушли из Вьетнама.

А потом папа строил ВАЗ и Автоград, под его руководством было более десятка батальонов стройбата — почти дивизия!

Он получил звание инженер-полковника, потом участвовал в строительстве Оренбургского нефтегазоперерабатывающего комплекса, ТоАЗа. Параллельно, как он говорил, «на досуге» подготовил диссертацию по истории Великой Отечественной войны. Уйдя на пенсию, много занимался с нашими детьми, то есть своими внуками.

Можно еще много рассказывать о нем, действительно passionate человеке — но это уж совсем сугубо личная тема.

Он лично знал и работал с Поляковым, Семизоровым, с Черномырдиным (в Оренбурге). А еще он любил и любит классическую музыку и архитектуру: ему очень понравился поэтический образ — «архитектура — это музыка, застывшая в камне». Отец очень гордится своим старшим сыном, который стал архитектором. Мой старший брат создал и ревизовал за сорок лет десятки различных проектов, в том числе и большой железнодорожный вокзал в Минске, железнодорожный вокзал в Севастополе, гостиницы, торговые центры, жилые комплексы. Но особенно понравился нашему отцу спроектированный братом изящный деревянный Храм святого великомученика Георгия Победоносца в Москве. Отец у нас яростный атеист, но ему не только нравится этот храм, — он напоминает ему о великой Победе сорок пятого года, напоминает о любимом маршале Георгии Жукове, о тех, кто не дошел до Победы...

*Храм святого Георгия
Победоносца в Москве.
Арх. Иванов Вячеслав
Владимирович*